

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

СТАЛИН

жизнь и смерть

Историческая библиотека (АСТ)

Эдвард Радзинский

Сталин. Жизнь и смерть

«Издательство АСТ»

2007

Радзинский Э. С.

Сталин. Жизнь и смерть / Э. С. Радзинский — «Издательство АСТ», 2007 — (Историческая библиотека (АСТ))

ISBN 978-5-17-074179-3

«Горе, горе тебе, великий город Вавилон, город крепкий! Ибо в один час пришел суд твой» (ОТК. 18: 10). Эти слова Святой Книги должен был хорошо знать ученик Духовной семинарии маленький Сосо Джугашвили, вошедший в мировую историю под именем Сталина.

ISBN 978-5-17-074179-3

© Радзинский Э. С., 2007

© Издательство АСТ, 2007

Содержание

Эдвард Станиславович Радзинский	5
Пролог	6
Имя	6
Тайна	8
Загадочные истории	10
Исчезнувший день рождения	13
Часть первая Сосо: Жизнь и смерть	15
Глава 1 Маленький ангел	15
Город и семья	15
Мать: постыдные слухи и правда	17
Бить!	19
«Ангельские голоса»	20
Глава 2 Загадки детства и юности	22
«Три мушкетера»	22
Нога и рука	22
Начало	24
Опасные идеи	24
Новые апостолы	26
Поэт	26
Два революционера	27
Глава 3 Конец Сосо	29
На рубеже столетий	29
Основание его партии	30
Первая кровь	30
Часть вторая Коба: Жизнь и смерть	32
Глава 4 Загадки Кобы	32
«Левая нога Ленина»	32
Первый арест	33
«Учимся понемногу, учимся»	34
Такие удачные и странные побег	35
Встреча с его Богом	36
Тайна Кобы	37
Уголовное крыло партии	38
«Он был им словно околдован»	40
Любовь	41
Поразительные обстоятельства	43
Загадочный Кузаков	44
«Чижиков»	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Эдвард Станиславович Радзинский Сталин. Жизнь и смерть

*Об этой книге я думал всю свою жизнь.
И о ней до самой своей смерти думал мой отец.
Отец умер в 1969 году, и тогда я начал писать эту книгу.
Я писал ее, окруженный тенями тех, кого видел в детстве.
Я включил в эту книгу и их рассказы о Сталине.
Рассказы, которые так любил пересказывать мне отец с вечным
рефреном:*

*– Может быть, ты когда-нибудь о нем напишешь.
ОТЦУ я посвящаю эту книгу*

*И дана была ему власть
над всяким коленом и народом,
и языком и племенем...
И говорил и действовал так,
чтобы убиваем был всякий,
кто не будет поклоняться образу зверя.*

Отк. 13: 7-15

*И один сильный Ангел взял камень,
подобный большому жернову,
и поверг в море, говоря:
с таким стремлением повержен будет
Вавилон, великий город,
и уже не будет его...
ибо... волшебством твоим
введены в заблуждение все народы.
И в нем найдена кровь пророков и святых
и всех убитых на земле.*

Отк. 18:21-24

Пролог

Имя

Каждый день самая большая в мире страна просыпалась с его именем на устах. Каждый день его имя звучало по радио, гремело в песнях, смотрело со страниц всех газет. Это имя, как величайшую награду, присваивали заводам, колхозам, улицам и городам. С его именем шли на смерть солдаты. Сталинград во время войны истек кровью, земля превратилась в коросту, начиненную снарядами, но город, носивший его имя, не был сдан врагу. Во время устроенных им политических процессов жертвы, умирая, славил его имя. И в лагерях, где миллионы загнанных за колючую проволоку поворачивали вспять реки, возводили города за Полярным кругом и гибли сотнями тысяч – они свершали все это под его портретами. Его статуи в граните и бронзе высились по необозримой стране.

Гигантская статуя Сталина стояла на Волго-Доне – очередном канале, построенном его заключенными.

Однажды смотритель, следивший за статуей, с ужасом обнаружил, что птицы во время сезонных перелетов полюбили отдыхать на голове статуи. Нетрудно представить, во что грозило обратиться лицо Вождя. Но птиц наказывать нельзя. А людей можно. И насмерть перепуганное руководство области нашло выход: сквозь гигантскую голову пропустили ток высокого напряжения. Теперь статуя стояла, окруженная ковром из мертвых птиц. Каждое утро смотритель закапывал птичьи трупы, и земля, удобренная ими, цвела. И статуя, очищенная от птичьего помета, глядела в волжские просторы на цветущие берега, удобренные уже телами человеческими – строителями великого канала...

Кем он был для нас?

Один из видных хозяйственников тех лет, Ю. Борисов, рассказывал уже в 60-х годах: «Вызывает меня товарищ Сталин. До этого мне не приходилось беседовать с ним. Ехал как в тумане. Ответ на его вопрос выпалил, глядя ему в глаза, стараясь не мигать. Мы все знали его фразу: «Глаза бегают – значит, на душе не чисто». Выслушав ответ, он сказал: «Спасибо, товарищ». Когда я ощутил его рукопожатие, меня словно молния пронзила. Спрятал я руку за обшлаг пиджака, спустился в машину, домчался домой и, не отвечая на вопросы встревоженной жены, подошел к кровати, где спал мой маленький сын. Вытащил руку и простер над его головой, чтобы коснулось и его сталинское тепло».

Уинстон Черчилль вспоминал: «Сталин произвел на нас величайшее впечатление... Когда он входил в зал на Ялтинской конференции, все, словно по команде, вставали и – странное дело – держали почему-то руки по швам». Однажды он решил не вставать. Сталин вошел – «и будто потусторонняя сила подняла меня с места», – писал Черчилль.

Тепло отзывался о Сталине – об этом «добром дядюшке Джо» – и президент США Рузвельт.

В 1959 году, когда мир уже узнал о делах «добротного дядюшки Джо», Черчилль, выступая в палате общин в день 80-летия Сталина, сказал: «Большим счастьем было для России, что в годы тяжелейших испытаний страну возглавил гений и непоколебимый полководец Сталин».

Если бы знал Черчилль, что задумал «непоколебимый полководец» тогда – в марте 1953 года!

Но 1 марта 1953 года Сталин лежал на полу, пораженный ударом. В столице своей Империи, начиненной его славой, он, сделавший себя прижизненным божеством, много часов лежал беспомощный в пустой комнате...

Однако и теперь, по прошествии стольких лет, личность Сталина, мотивы его поступков и даже сама его смерть остаются столь же таинственными, как и тогда, в солнечный мартовский день 1953 года.

В своих мягких кавказских сапогах Сталин умело отошел в тень истории, чтобы сейчас вновь замаячил на горизонте грозный образ. И павшая величайшая Империя XX века все чаще вспоминает о своем создателе, и в облаке новых мифов возвращается в страну он – Хозяин, Отец и Учитель.

Тайна

В непроницаемый мрак он сумел погрузить и свою жизнь, и всю историю страны. Беспрерывно уничтожая своих соратников, он тотчас стирал всякий их след в истории. Он лично руководил постоянной и беспощадной чисткой архивов. Величайшей секретностью он окружил все, что хоть как-то касалось власти. Архивы он превратил в охраняемые крепости.

Но и теперь, получив доступ к этим прежде сверхсекретным документам, вы вновь окажетесь... перед тайной!

Он сумел предусмотреть и это.

Вот несколько выдержек из секретных протоколов заседаний Политбюро:

1920 год: «Решения Политбюро по наиболее серьезным вопросам не заносить в официальный протокол».

1923 год: «Подтвердить прежнее решение Политбюро: в протоколы Политбюро ничего, кроме решений, записываться не должно».

1924 год: «Работу сотрудников Секретариата ЦК партии считать конспиративной партийной работой».

1927 год: «Принять меры по обеспечению максимальной конспиративности».

Тотальная секретность – традиция загадочного «Ордена Меченосцев», как назвал Коммунистическую партию ее вождь Сталин. Он сделал эту традицию абсолютной.

И, начиная рассказ о его жизни, мы вступаем в этот великий мрак. Еще учась в Историко-архивном институте, я знал об этом секретнейшем хранилище документов, которое мой учитель сравнивал с архивом Ватикана – по бесконечному богатству тайн.

Это был архив, существовавший при руководстве Коммунистической партии, при особом Секретном отделе. В нем хранились документы высших органов партии, управлявшей страной семь десятилетий, а также – личный архив Сталина. Это было справедливо, ибо к определенному времени и история партии, и история страны стали историей Сталина.

Этот архив и составил впоследствии основу Архива президента, сформированного при Горбачеве. Я получил уникальную возможность работать в этом хранилище.

В книгу также вошли документы из бывшего Центрального партийного архива – святая святых Коммунистической партии. В нем хранилась ее история – история подпольной группы революционеров, захватившей в 1917 году власть над шестой частью мира. «Совершенно секретно» – любимая пометка на документах архива.

Теперь Партархив стыдливо переименовал название и именуется Российским центром хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ). Но для меня он навсегда останется Партийным архивом. Так я и буду называть его в книге. Желанный архив, в который я стремился так долго...

И конечно, я использовал бывшие секретные фонды Центрального государственного архива Октябрьской революции. И он после крушения СССР сменил название на Государственный архив Российской Федерации, но и его в своем повествовании я именую по-прежнему. Архив Октябрьской революции – название, раскрывающее его суть. В нем – документы революции и знаменитых большевиков – погибших соратников Сталина, «Особые папки» Сталина – секретные отчеты Вождю...

Такова главная триада архивов, где я искал Сталина. Потаенного Сталина.

После интервью о том, что я пишу книгу о Сталине – первом революционном царе, – я начал получать множество писем. Забавно повторялась история с предыдущей книгой о царе последнем – Николае II.

В этих письмах нет сенсационных сведений, но они передают бесценные детали исчезнувшей эпохи.

Как правило, их писали старые люди, решившие поведать то, чему они были свидетелями.

Я благодарю добровольных моих помощников, жителей исчезнувшей Империи по имени СССР – еще одной погибшей русской Атлантиды.

Загадочные истории

Часто вспоминаю этот разговор. Случился он во второй половине 60-х годов. Я был молод, но был уже автором двух модных пьес. Именно тогда и познакомили меня с Еленой Сергеевной Булгаковой – вдовой самого мистического писателя сталинской эпохи. При жизни Сталина Булгаков прославился несколькими запрещенными пьесами и одной поставленной в знаменитом Художественном театре – «Дни Турбиных». Сталин любил ее какой-то странной любовью: он посетил этот спектакль бесчисленное количество раз...

В 60-е годы большинство произведений Булгакова было по-прежнему запрещено, а о жизни самого писателя рассказывалось множество фантастических историй. Меня интересовала одна: история его пьесы о Сталине. Именно об этом я и спросил у Елены Сергеевны. И тогда между нами состоялся разговор, показавшийся мне столь примечательным, что я записал его в дневнике.

– Я слышал, что Михаилу Афанасьевичу предложили написать пьесу о Сталине?

– Именно «предложили». К нам приехал директор Художественного театра. Он и предложил написать пьесу к юбилею Сталина.

Миша колебался, но потом согласился – у него было особое отношение к Сталину. Он написал интересную романтическую пьесу о Кобе... Вы, конечно, знаете – в юности Сталина называли Коба, это был его партийный псевдоним. Сначала все складывалось удачно – в театре пьесу приняли. Даже тогдашние чиновники, управлявшие культурой, были в восторге.

(Впоследствии я проверил рассказ Елены Сергеевны по ее опубликованному дневнику. Вот что там было написано: «11 июля Б[улгаков] читает пьесу в Комитете по делам искусств. Пьеса оч[ень] понравилась. Во время читки пьесы – сильнейшая гроза...»)

– Театр думал ее поставить к декабрю 1939 года – к шестидесятилетию героя, – продолжала она. – Но тут пьесу отослали Сталину, и он ее запретил. Вот, пожалуй, и вся история.

Если бы в ту пору я не был советским драматургом, я бы на этом закончил разговор. Но я им был. И оттого сразу понял чрезвычайную странность рассказанного.

Итак, 1939 год – сталинский террор. Вся страна объята страхом, любая идеологическая ошибка объявлялась вражеским актом. Кто же мог решиться заказать в такое время беспартийному Булгакову, автору нескольких запрещенных произведений, пьесу к юбилею самого Вождя? Да еще для Художественного театра – первого театра страны? Кто из тогдашних руководителей искусства посмел бы взять на себя такое? Естественно, никто, кроме... самого героя будущей пьесы – странного поклонника «Дней Турбиных». Конечно, заказчиком пьесы мог быть только он – Сталин.

И второй вопрос. Я драматург и хорошо знал постоянный страх чиновников. Даже в мое время – сравнительно безопасное – руководители культуры делали все, чтобы самим ничего не решать. А тогда, в страшном 1939 году... неужели эти умиравшие от ужаса чиновники так осмелели, что решились сами восторженно принять пьесу о Сталине, написанную много раз «ошибавшимся» Булгаковым? Невероятно! Точнее, вероятно только в одном случае: если ее уже одобрил сам заказчик.

Но тогда почему он ее запретил?

Я продолжаю разговор с Еленой Сергеевной:

– Когда было обсуждение пьесы?

– Летом... это был июль.

– И когда ее запретили?

– В августе.

– И... что-то случилось между этими событиями?

Елена Сергеевна усмехнулась. Она читала мои мысли.

– Миша договорился с театром поехать в Грузию. Он хотел побеседовать с очевидцами событий, помнившими Кобу в юности. Их к тому времени немного осталось, все исчезли... Поехали: художник спектакля, режиссер, я и Миша... Он мечтал поработать в архивах.

– В архивах?!

– Ну да, он писал совершенно без документов. Когда он попросил театр помочь ознакомиться с данными о юности Сталина, ему ответили: никаких документов не существует. И он решил поискать сам. Мы отправились в полном комфорте, в международном вагоне. В купе устроили банкет, когда нас нагнала телеграмма: «Надобность в поездке отпала, возвращайтесь в Москву». В Москве Мише объявили: в секретариате Сталина прочли пьесу и сказали, что нельзя Сталина делать литературным героем и вкладывать ему в уста выдуманные слова. А сам Сталин будто бы сказал: «Все молодые люди одинаковы, зачем писать пьесу о молодом Сталине?»

Объяснение было очень странным: в те годы печатались произведения о молодом Сталине. Но они писались так же, как была написана эта пьеса – без документов. Авторы пользовались опубликованными сведениями о жизни великого революционера Кобы... Роковая ошибка Булгакова и была в том, что он захотел ознакомиться с документами, выйти за пределы этих сведений. Как только он попытался это сделать – все закончилось гибелью пьесы.

И я вспомнил... Детство, я сижу в своей комнате. В соседней комнате разговаривают мой отец и писатель Павленко – знаменитый писатель сталинской эпохи.

Несколько слов об отце.

Он был интеллигентом, помешанным на европейской демократии, часто цитировал мне слова чешского президента Масарика: «Что такое счастье? Это – иметь право выйти на главную площадь и заорать во все горло: «Господи, какое же дурное у нас правительство!»... Он был преуспевающим двадцативосьмилетним адвокатом, когда произошла Февральская революция в России и пала монархия. Отец восторженно приветствовал Временное правительство. Это была его революция, его правительство. Но несколько месяцев свободы быстро закончились, и к власти пришли большевики.

Почему он не уехал за границу – он, блестяще образованный, свободно говоривший на английском, немецком и французском? Обычная история: он любил Россию... В начале 20-х, пока еще были остатки свободы, он редактировал одесский журнал «Шквал», писал сценарии первых советских фильмов, его близкими друзьями были Юрий Олеша, Виктор Шкловский и, наконец, Сергей Эйзенштейн...

После смерти отца в одной из книг я нашел чудом уцелевшее, заложенное между страниц книги письмо Эйзенштейна и несколько непристойных и великолепных рисунков великого режиссера – следы забав их молодости...

А потом наступила пора укрощения мысли. Но отец не роптал, он жил тихо, незаметно, точнее – существовал. Оставив журналистику, он писал инсценировки для театра, в том числе и по романам Петра Андреевича Павленко, автора сценариев двух знаменитых кинофильмов, где действовал сам Вождь: «Клятва» и «Падение Берлина».

Романы Павленко тоже были знамениты. Четырежды ему присваивали Сталинскую премию первой степени... Имя Павленко спасало отца, и хотя многие из его друзей исчезли в лагерях, отца не тронули. Согласно логике тех времен, арестовать его – означало бросить тень на Павленко.

Отец понимал: это может закончиться в любой момент. Он ждал и был готов к ужасному. Но несмотря на эту жизнь под топором, он всегда улыбался.

Его любимым героем был философ и скептик Бротто из романа Анатоля Франса «Боги жаждут». И как франсовский герой печальнонасмешливо наблюдал ужасы Французской революции – с той же улыбкой отец наблюдал жизнь сталинской России.

Ирония и сострадание – таков был его девиз...

Я так и запомнил его с этой вечной улыбкой.

В тот день Павленко и отец обсуждали свои творческие планы. Сквозь плохо прикрытую дверь я услышал, как отец благодушно спросил Павленко:

– Почему бы вам не написать о юности Иосифа Виссарионовича? Об этом никто по-настоящему не написал. Вы долго жили на Кавказе...

Его прервал голос Павленко:

– Не следует описывать солнце, когда оно еще не взошло.

– Он оборвал меня так жестко, даже грубо – такого я никогда прежде от него не слышал, – сказал впоследствии отец.

Павленко не раз видел Вождя – он был вхож в таинственный круг, окружавший Богочеловека. Видимо, он знал, о чем говорил.

Исчезнувший день рождения

Сталин (Джугашвили) Иосиф Виссарионович, родился 21 декабря (9 декабря по старому стилю) 1879 года. Эту дату вы найдете во многих энциклопедиях.

Фотокопия выписки из метрической книги Горийского Успенского собора о рождении Иосифа Джугашвили, хранящаяся в Центральном партактиве:

«1878 год. Родился 6 декабря, крестился 17-го, родители – жители города Гори крестьянин Виссарион Иванович Джугашвили и законная жена его Екатерина Георгиевна. Крестный отец – житель Гори крестьянин Цихитатришвили. Совершил таинство протоиерей Хахалов с причетником Квиникидзе».

Итак, он родился на целый год и три дня раньше официальной даты своего рождения, которую столько лет торжественно праздновала вся страна?! Столько лет отмечать ложную дату?!

Но это не ошибка. Здесь же, в архиве, находится свидетельство об окончании маленьким Иосифом Джугашвили Горийского духовного училища. И тоже: «Родился в шестой день месяца декабря 1878 года». Впрочем, сохранилась анкета, которую он сам заполнил в 1920 году. И там он собственноручно написал – 1878-й!

Да, официальная дата его рождения вымышленна! Но когда? Зачем?

На первый вопрос ответить просто: вымышленная дата рождения появляется сразу после официального возвышения Сталина.

В апреле 1922 года Ленин делает его Генеральным секретарем – главой партии. И уже в декабре секретарь Сталина Товстуха заполняет за него новую анкету, где проставляет измененный год его рождения – 1879-й. И новое число – 21 декабря. С тех пор наш герой избегает сам заполнять анкеты. За него их заполняют секретари. Они своей рукой ставят вымышленную дату. Он, как всегда, ни при чем. Ложная дата рождения становится официальной. И опять – зачем?

Передо мной – бумаги Товстухи. Он был доверенным лицом при Сталине до 1935 года, когда благополучно скончался. Точнее – успел благополучно скончаться...

Я просматриваю документы – все пытаюсь найти какой-то след. Никаких личных записей, никаких дневников не осталось после Товстухи. Впрочем, и те, кому он служил, поступали также. Это принцип. Ни Сталин, ни Ленин, ни их сподвижники не вели дневников. Ничего личного – только дело партии. Этот полезный принцип помог им унести в могилу многие секреты.

В перерыве ко мне подходит старичок, один из партийных старичков, убивающих свой досуг в архиве. Он не представляется, и я не спрашиваю его, кто он. Мой опыт подсказывает: не будь любопытным, если хочешь получить интересные сведения.

– Я вижу, вы интересуетесь Товстухой? Мне пришлось с ним встречаться и даже работать... высокий был, худой – типичный интеллигент. Умер от туберкулеза, я навещал его в правительственном санатории «Сосны», где он умирал. Он просил меня играть на гитаре революционные песни времен его молодости. И плакал. Не хотел умирать... Сталин похоронил его в Кремлевской стене – оценил по заслугам. Товстуха был сталинским секретарем, но одновременно, что не менее важно, фактически руководил Партийным архивом. Он собрал все документы Ленина. Ими Сталин уничтожал потом своих противников. Один из секретарей Сталина, Бажанов, бежал за границу – он много написал о Товстухе в своей книге. Но важнейшей его заслуги Бажанов не понял... Это случилось, когда Сталин уже стал Хозяином. Тогда, в 1929 году, было решено всенародно справить его 50-летие. Товстуха начал забирать из всех архивов

документы о Сталине – точнее, о его дореволюционной деятельности, для того чтобы написать полную биографию Сталина. Но никакой полной биографии не появилось. Гора родила мышь: результатом стала убогая «Краткая биография Сталина». Поняли?

– Значит, он собирал документы...

– Да, чтобы никогда не публиковать. Точнее, он изымал документы. Впрочем, думаю, это придумал не он. Все были слугами... все делали то, что хотел Хозяин. Полученные документы о Сталине Товстуха тотчас отсылал ему. И они часто не возвращались обратно. Это объяснялось скромностью: Вождь не любит лишних упоминаний о себе. Лишними считались документы о его жизни до Октября. Передавали знаменитую сталинскую фразу: «Я не сделал тогда ничего такого, по сравнению с другими революционерами, о чем стоило говорить».

Просматривая бумаги, я часто вспоминал старика. Вот переписка Товстухи с признанным историком партии Емельяном Ярославским. В 1935 году Ярославский надумал написать подробную биографию Вождя. Он пишет Товстухе о своем желании познакомиться с источниками о жизни Сталина до Октября и спрашивает: как относится Товстуха к его идее.

И вот ответ Товстухи: «Отношусь скептически... материалов для нее пока, как говорится, кот наплакал... Архивные источники бедны, ничего не дают».

Опытный Ярославский все понял и тотчас изменил задачу: написал сталинскую биографию... без новых документов.

Есть общеизвестная версия: причиной охлаждения Сталина к Горькому было упорное нежелание того написать биографию Вождя. Но из архива Товстухи следует иное. Видимо, Горький сам просил у него материалы для биографии Сталина, ибо Товстухе пришлось ответить: «Посылаю вам, хотя и с опозданием, некоторые материалы, касающиеся биографии Сталина. Как и предупреждал, материалы довольно скудны...»

Опоздание с ответом Горькому – великому пролетарскому писателю и по такому поводу – могло означать лишь одно: писать биографию не надо. И Горький похоронил эту идею.

Все эти истории свидетельствовали: Сталин не хотел вспоминать жизнь революционера Кобы. И, сделавшись Генсеком, он не только изменил дату своего рождения. Как мы увидим в дальнейшем, он изменил целый ряд и дат и событий в жизни Кобы – будто хотел запутать будущих исследователей.

Но что же такое было в биографии Сосо и Кобы? Что внушало опасения Сталину?

Часть первая Сосо: Жизнь и смерть

Глава 1 Маленький ангел

*Посмотрите на карту:
ведь Кавказ является центром мира...
Английский путешественник*

Город и семья

Под небом 1878 года на фоне далеких гор дремлет Гори – маленький городок, где родился Иосиф Джугашвили, Сосо – так по-грузински звала сына мать.

Горький, странствуя в конце XIX века по Кавказу, описал Гори: «Городок в устье реки Куры невелик – с порядочную деревеньку. Посреди – высокий холм. На холме крепость. На всем колорит какой-то дикой оригинальности: знойное небо над городом, буйные шумные воды Куры, неподалеку горы, в них пещерный город, и еще дальше горы Главного хребта, осыпанные натающим снегом...»

Такова декорация, в которой начинается жизнь нашего героя. Но некую особую ноту в эту идиллию вносят грозные развалины. С крутой скалы смотрят на город руины замка феодалов, владевших когда-то краем и воевавших с грузинскими царями.

По мосту через Куру входим в городок... Гори просыпается с восходом солнца. Пока не наступила палящая жара, пастухи заходят во дворы – забирают коров; на балкончиках – заспанные люди; отпираются двери храмов – на утреннюю службу спешат старухи в черных одеждах. По бурной Куре несутся плоты. Уныло провожая глазами удалых плотогонов, водовозы набирают воду в кожаные мешки и везут по домам на тощих своих лошадях.

Длинная главная улица пересекает город. Когда-то царь Николай I посетил Гори – и улица называется Царской. Впоследствии, конечно, она станет улицей Сталина.

Двухэтажные дома и магазинчики прячутся между деревьями. Здесь, в нижней части города, живут богачи. Грузинские, армянские, азербайджанские и еврейские купцы из Гори торгуют по всему свету. Как и положено на Востоке, центром жизни является рынок – типичный восточный базар. В тесных рядах бесчисленных лавочек продается все – от спичек до драгоценностей. Прямо на улице работают портные, мерку снимают с заказчика так: посыпают землю золой, заказчик ложится, а портной садится на него верхом, прижимая к золе. Здесь же цирюльники стригут, моют головы, выдергивают зубы щипцами; торговцы играют в нарды и пьют вино.

Совсем иная жизнь в верхней части города, где живет сапожник Виссарион (Бесо) Джугашвили. Здесь стоит его лачужка, в которой он поселился после свадьбы. Его жена Екатерина (Кэкэ) Геладзе родилась в семье крепостного крестьянина. Ее отец рано умер, но мать на скудные свои деньги все-таки выучила Кэкэ грамоте.

Будущий отец Вождя в Гори появился недавно, семья его жила в деревушке Диди-Лило, где Бесо и родился, а предки жили в горном селении – в Лиахвисском ущелье. Были они, как и Геладзе, крепостными, принадлежали воинственным феодалам – князьям Асатиани. Заза Джугашвили, прадед Сосо, участвовал в кровавом крестьянском бунте, был схвачен, жестоко высечен и брошен в тюрьму. Бежал, опять бунтовал, опять был схвачен, опять бежал. Тогда он и поселился в деревне Диди-Лило, близ Тифлиса, там женился и наконец обрел покой.

Сын старого бунтовщика Вано в бунтах не участвовал, тихо-мирно прожил свою жизнь. Но после него остались два сына – Бесо и Георгий. Дух деда ожил во внуках. Буйного Георгия зарезали в пьяной драке, а Бесо, также преуспевший в драках и пьянстве, покинул тихое село и переехал в Тифлис. Там полуграмотный Бесо и стал сапожником, работал на большом кожевенном заводе Адельханова, поставлявшем сапоги для войск на Кавказе.

Так что впоследствии Сталин не зря всю жизнь носил сапоги.

Как-то Бесо заехал в Гори к друзьям-сапожникам. Девяносто два сапожника жили в городке – самый могущественный ремесленный цех. Там он и увидел шестнадцатилетнюю Кэкэ. В Грузии девушки созревают рано – в шестнадцать лет они считаются взрослыми женщинами... Полюбила ли она Бесо? У нищих людей, боровшихся за существование, здравый смысл часто назывался любовью. Она – бесприданница, он – сапожник, имеет верный кусок хлеба. Это был удачный брак...

Выписка из книги бракосочетавшихся за 1874 год: «17 мая сочетались браком: временно проживающий в Гори крестьянин Виссарион Иванович Джугашвили, вероисповедания православного, первым браком, возраст – 24 года; и дочь покойного горийского жителя крестьянина Глаха Геладзе Екатерина, вероисповедания православного, первым браком, возраст – 16 лет».

Бесо Джугашвили стал жителем Гори. Грузинскую свадьбу празднуют долго – по несколько дней пьют гости, играют музыканты. Так что уже во время свадьбы Кэкэ смогла многое понять в своем избраннике. В Грузии пьют весело, с бесконечными тостами, а Бесо пил мрачно, страшно, быстро пьянел и вместо грузинского застольного славословия тотчас лез в драку – гнев сжигал этого человека. Был он черен, среднего роста, худощав, низколоб, носил усы и бороду. Очень похож на него будет Коба...

Кэкэ – миловидна, со светлой кожей, покрытой веснушками. Она была религиозна, знала грамоту и любила музыку.

Супруги были весьма различны.

Первые годы после замужества Кэкэ исправно рождает, но дети умирают. В 1876 году в колыбели умирает Михаил, затем Георгий. Мертвые братья Сосо... Природа будто противилась рождению ребенка у мрачного сапожника.

В Гори около развалин замка лежал странной формы камень – огромный круглый шар. Народная легенда связывала его с гигантом Амираном, который играл этим камнем, как мячом. Амиран – герой кавказского варианта легенды о Прометее. Но он был злым Прометеем, демоном разрушения – и боги приковали его цепью к вершине Кавказа. В Гори был древний обычай: в одну из ночей все кузнецы стучали по наковальням – чтобы не ушел со скалы в мир этот страшный дух разрушения.

Но тщетно стучали кузнецы. 6 декабря 1878 года у Кэкэ родился третий мальчик. Как молила она Бога даровать жизнь младенцу! И свершилось: младенец остался жить.

Этот мальчик будет играть земным шаром, как Амиран – каменным мячом.

Домик сапожника Бесо сохранился до сих пор. В годы величия Сталина лачужку накроют мраморным павильоном. Ученик Духовной семинарии, он помнил: так поступили с яслями, где родился Спаситель.

Одноэтажный кирпичный домик... У входа, прямо на улице, тачал сапоги мрачный Бесо. В единственной комнатке ютились отец, мать и сын. Впрочем, был еще прокопченный, темный подвал. Скучный свет через окошечко освещал деревянную колыбель. Его колыбель...

Итак, Сосо выжил. Слабенького младенца в благодарность за дарованную ему жизнь Кэкэ решает посвятить Богу: Сосело («маленький Сосо» – так она нежно зовет его) должен стать священником.

Квартал, где находится домик Бесо, называли «русским»: неподалеку были казармы, где стояли русские солдаты. И Сосо дети часто зовут «русским» – человеком из русского квартала.

Это останется в его подсознании. Никогда в нем не проснется чувство грузинского национализма. Только первый, полудетский революционный псевдоним будет связан с Грузией. Став профессиональным революционером, он будет жить в подполье только под русскими именами. И о своей родине впоследствии отзовется насмешливо: «Маленькая территория России, имеющая себя Грузией».

Мать: постыдные слухи и правда

Темно детство нашего героя. Мраморный павильон, накрывший домик Бесо, скрывает загадки... «Мои родители были простые люди, но они совсем неплохо обращались со мной», – сказал Сталин в беседе с немецким писателем Эмилем Людвигом. Но в Грузии рассказывали и совсем иное...

Из беседы с М. Хачатуровой: «Я жила в Тбилиси до семнадцати лет и была хорошо знакома с одной старухой, прежде жившей в Гори. Она рассказывала, что Сталин называл свою мать не иначе как проституткой. В Грузии даже самые отъявленные разбойники чтят своих матерей, а он после 1917 года, может быть, два раза навестил свою мать. Не приехал на ее похороны».

Из письма Н. Гоглидзе: «Его мать никогда не приезжала к нему в Москву. Можно ли представить грузина, который, став царем, не позовет к себе свою мать? Он никогда не писал ей. Не приехал даже на ее похороны. Говорят, открыто называл ее чуть ли не старой проституткой. Дело в том, что Бесо жил в Тифлисе и не присылал им денег – все пропивал этот пьяница. Кэкэ должна была сама зарабатывать на жизнь, на учение сына – она ходила по домам к богатым людям, стирала, шила. Она была совсем молодая. Дальнейшее легко представить. Даже при его жизни, когда все всего боялись, люди говорили: «Сталин не был сыном неграмотного Бесо». Называли фамилию Пржевальского».

Пржевальский, знаменитый путешественник, действительно приезжал в Гори. Его усатое лицо в энциклопедиях сталинского времени подозрительно похоже на Сталина.

Гоглидзе: «После смерти Сталина, когда исчез страх, стали называть еще несколько имен предполагаемых отцов – среди них был даже еврей-купец. Но чаще всех называли Якова Эгнатшвили. Это был богатый виноторговец, любитель кулачных боев. И у него тоже работала Кэкэ. Недаром Яков Эгнатшвили платил за учение Сосо в семинарии. Говорили, что Сталин в его честь назвал Яковом своего первого сына... Я видел портрет этого богатыря-грузина. Нет, это совсем не тщедушный Сосо... Конечно, когда Бесо возвращался из Тифлиса, он узнавал все эти слухи. Может, поэтому он так бил маленького Сосо? И жену он бил смертно. И когда Сталин вырос – он, как всякий грузин, не мог не презирать падшую женщину. Оттого никогда не приглашал мать в Москву, не писал ей».

Из письма И. Нодия: «Еще при его жизни, когда за любое не так сказанное слово о нем исчезали, люди свободно рассказывали, что он незаконный сын великого Пржевальского. Эти ненаказуемые рассказы могли быть только с высочайшего одобрения. В этом была не только ненависть Сталина к пьянице-отцу, но и государственный интерес. Он уже стал царем всея Руси и вместо неграмотного грузина-пьяницы захотел иметь знатного русского папашу. Но в Грузии согрешившая замужняя женщина – падшая женщина. Это родило грязные легенды о его матери...»

Летом 1993 года я получил разрешение работать в Архиве президента. И вот я вхожу в Кремль через Спасские ворота – через них когда-то въезжала в Кремль вереница одинаковых черных автомобилей, которую возглавляла машина Вождя.

Как и его автомобиль, я сворачиваю вправо. Ибо Архив президента находился в 1993 году в бывшей квартире Сталина в Кремле. Она перестроена, но остались высокие двери со стеклянными ручками, которые знали тепло его рук, старое зеркало, хранящее его отражение. Я сижу под его потолком и просматриваю его личные бумаги: «Медицинская история пациента Кремлевской поликлиники И.В. Сталина», такая же «История» его таинственно погибшей жены, его переписка с женой, с детьми и... его письма к матери!

Да, все оказалось ложью – и о его ненависти к матери, и о «проститутке». Он любил ее, он писал ей, как и положено сыну. Все годы писал – до самой ее смерти. Пожелтевшие маленькие листочки, исписанные по-грузински крупными буквами (мать так и не выучилась по-русски)...

После революции он поселил ее – бывшую прачку и служанку – в бывшем дворце наместника Кавказа. Но она заняла только крохотную комнатку, похожую на комнатку в их лачужке. В ней сидела вместе с подругами – такими же одинокими старухами в черных одеждах, похожими на ворон.

Он писал ей короткие письма. Как объяснит впоследствии его жена, он ненавидел длинные личные послания.

«16 апреля 1922 г. Мама моя! Здравствуй, будь здорова, не допускай к сердцу печаль. Ведь сказано: «Пока жив – радовать буду свою фиалку, умру – порадуются черви могильные...»

И почти каждое письмо он заканчивает традиционным грузинским пожеланием: «Живи десять тысяч лет, дорогая мама».

Обычные письма любящего сына: он шлет ей фотографии жены, детей, шлет деньги, лекарства, просит не унывать в ее болезнях. И заботится, чтобы вместе с его краткими письмами жена писала ей длинные письма.

Отрывок из письма жены к его матери: «У нас все благополучно. Мы ждали Вас к себе, но, оказалось, Вы не смогли...»

Да, все наоборот: мать зовут, приглашают приехать, но она не приезжает. И при этом мать не прощает своему по горло занятому сыну малейшего невнимания. И ему приходится оправдываться:

«Здравствуй, дорогая мама моя... Давно от тебя нет писем – видно, обижена на меня, но что делать, ей-богу занят». «Здравствуй, мама моя. Я, конечно, виноват перед тобой, что последнее время не писал тебе. Но что поделаешь – много работы свалилось на голову и не сумел выкроить время для письма».

По-прежнему он продолжает звать мать в Москву. И по-прежнему она не приезжает. В одном из последних своих писем его жена пишет безнадежно: «Но лето не за горами, может быть, увидимся. А то приезжайте Вы к нам как-нибудь?.. Да, очень неловко, что Вы всегда нас балуете посылками...»

Итак: баловала посылками, но не приезжала. Впрочем, и он к ней не приезжал. Отдыхает совсем рядом на Кавказе, но не едет... Или боится ехать? Во всяком случае, только в 1935 году, зная, что она сильно болеет и, видно, ему более ее не увидеть, он к ней приезжает. Их встреча была превращена пропагандой в святочный рассказ. Но два эпизода правды проскользнули:

– Почему ты меня так сильно била? – спросил он свою мать.

– Потому ты и вышел такой хороший, – ответила Кэкэ.

И еще:

– Иосиф, кто же ты теперь будешь? – спрашивает мать.

Трудно не знать, кем стал ее сын, чьи портреты развешаны на каждой улице. Она попросту хотела дать ему погордиться.

И он погордился:

– Царя помнишь? Ну, я вроде царь.

Вот тут она и сказала фразу, над наивностью которой тогда добро смеялась страна:

– Лучше бы ты стал священником.

Эти слова понравились Сталину и стали тогда широко известны: о них рассказывала интеллигенция, они сохранились в воспоминаниях лечившего старую Кэкэ врача Николая Кипшидзе. Между тем в ответе верующей женщины заключалась ее трагедия, разгадка взаимоотношений с сыном.

Бить!

Конечно, пьяница Бесо был истинным отцом Сосо – достаточно сравнить изображения отца и сына. Иначе и быть не могло: Кэкэ – чистая, глубоко религиозная девушка. Да и в год рождения Сосо они еще не разлучались: Бесо жил тогда в Гори, работал по заказам тифлисской фабрики Адельханова – тачал свои сапоги. И пил.

Врач Н. Кипшидзе вспоминал рассказы Кэкэ: «Однажды пьяный отец поднял сына и с силой бросил его на пол. У мальчика несколько дней шла кровавая моча».

Несчастная Кэкэ во время всех этих пьяных ужасов, схватив перепуганного ребенка, убежала к соседям. Но она выросла, тяжелый труд закалил ее, и отпор молодой женщины с каждым годом становился сильнее, а пьяница Бесо слабел. Теперь Кэкэ безбоязненно вступала в рукопашные схватки с мужем. Бесо стало неуютно в доме, он не чувствовал себя властелином. А без этого невозможно мрачному азиату – потому, видимо, он и решил уехать в Тифлис.

Кулак, насилие и беспощадную борьбу видел с рождения маленький Сосо.

Бесо уезжает, мать и сын остаются вдвоем. Но мальчик похож на отца не только лицом... «Жуткая семейная жизнь ожесточила Сосо. Он был дерзким, грубым, упрямым ребенком» – так описала его стодвенадцатилетняя Хана Мошиашвили, подруга Кэкэ, грузинская еврейка, переехавшая в 1972 году в Израиль из Грузии.

Мать, ставшая главой семьи, кулаком смирявшая мужа, теперь воспитывает сына одна, беспощадно бьет за непослушание. Так что он имел все основания спросить ее впоследствии: «Почему ты меня так сильно била?»

Бить! – входит навсегда в его подсознание. Это слово станет у него самым любимым в борьбе с политическими противниками.

И еще одно жестокое чувство было заложено в нем с детства.

Антисемитизм не присущ Кавказу – это некая Вавилонская башня, здесь издревле живут бок о бок бесчисленные народы. Князь А. Сумбатов писал: «Грузия никогда не знала гонений на евреев. Недаром по-грузински нет оскорбительного слова «жид», но есть единственное слово «урия» – еврей».

Евреи в Грузии были мелкими торговцами, портными, ростовщиками и сапожниками. Евреи-сапожники прекрасно тачали грузинские сапоги на любой вкус. И за то, что они были состоятельными, за то, что в совершенстве знали свое ремесло, их ненавидел пьяный неудачник Бесо. С раннего детства отец преподает Сосо начатки злобы к этому народу.

С отъездом Бесо Кэкэ продолжает исполнять обет: маленький Сосо должен стать священником. Нужны деньги на учение, и она берется за любой труд: помогает убираться, шьет, стирает. Кэкэ знает: у мальчика необыкновенная память, он способен к наукам и музыке, как мать, а это так важно для церковной службы. Кэкэ часто работает в домах богатых торговцев-евреев – туда рекомендовала ее подруга Хана. С нею приходит худенький мальчик. Пока она убирает, смущенный малыш забавляет хозяев. Он им нравится, этот умный ребенок.

Одним из таких хозяев был Давид Писмамедов, еврей из Гори. «Я часто давал ему деньги, покупал учебники. Я любил его, как родного ребенка, он отвечал взаимностью...» – вспоминал он. Если бы он знал, как горд и самолюбив этот мальчик! Как ненавидел каждую копейку, которую брал!

Через много лет, в 1924 году, старый Давид поехал в Москву и решил навестить мальчика Сосо, ставшего тогда Генеральным секретарем правящей партии.

«Меня не пустили к нему сначала, но когда ему сообщили, кто хочет его видеть, он вышел сам, обнял меня и сказал: «Дедушка приехал, отец мой».

Как хотелось Сталину, чтобы Давид, когда-то большой богач, увидел, кем стал он, жалкий попрошайка! До конца своих дней он наивно продолжал сводить счета со своим нищим детством...

Но именно в детстве униженность любимой матери, вечное недоедание и нищета родили в болезненно самолюбивом мальчике ненависть. Прежде всего к ним – к богатым торговцам-евреям.

Хана Мошиашвили вспоминает: «Маленький Иосиф привык к нашей семье и был нам как родной сын... Они часто спорили – маленький и большой Иосиф (мой муж). Подросши, Сосо часто говорил большому Иосифу: «Я тебя очень уважаю, но смотри: если не бросишь торговлю, не пощажу». Русских евреев он всех недолюбливал».

Эти же мысли через много лет выскажет его сын Яков. Попав в плен во время войны, он говорит на допросе: «О евреях я могу только сказать: они не умеют работать. Главное, с их точки зрения, – это торговля».

К этому примешивалось чувство ревнивой обиды. Именно тогда поползли темные сплетни о матери, которая ходит по домам богатых евреев. Так формировался у маленького Сосо странный для Кавказа антисемитизм.

Его друг Давришеви вспоминал, как бабушка читала им Евангелие, историю предательского поцелуя Иуды. Маленький Сосо, негодуя, спросил:

– Но почему Иисус не вынул саблю?

– Этого не надо было делать, – ответила бабушка. – Надо было, чтоб Он пожертвовал собой во имя нашего спасения.

Но этого маленький Сосо понять не в силах: все детство его учили отвечать ударом на удар. И он решает сделать самое понятное – отомстить евреям! Он уже тогда умел организовать дело и остаться в стороне, страшая тяжелой руки матери. План Сосо осуществили его маленькие друзья – впустили в синагогу свинью. Их разоблачили, но Сосо они не выдали. И вскоре православный священник сказал, обращаясь к прихожанам в церкви: «Есть среди нас заблудшие овцы, которые несколько дней назад свершили богохульство в одном из домов Бога».

И этого Сосо понять не мог. Как можно защищать людей другой веры?

«Ангельские голоса»

В 1888 году мечта Кэкэ исполнилась: сын поступил в Горийское духовное училище. Мы можем увидеть нашего героя в день поступления глазами его сверстника: «На Сосо новое синее пальто, войлочная шляпа, шею облегал красивый красный шарф». Мать позаботилась – он был не хуже других.

Кэкэ решает поменять клиентуру: теперь она стирает и убирает в домах его учителей.

Большое двухэтажное здание Горийского духовного училища... Во втором этаже – домовая церковь. В ней впервые увидел Сосо другой ученик, Давид Сулиашвили. Он вспоминал: «Во время церковного поста пели трое. Это была Покаянная молитва. Певцы подбирались с лучшими голосами, и одним из них всегда был Сосо. Вечернее богослужение, три мальчика,

облаченные в стихари, стоя на коленях, распевают молитву... Ангельские голоса трех детей, открыты золотые царские врата, воздел руки священник – и мы, исполненные неземного восторга и павшие ниц...»

Давид Сулиашвили, как и Сосо, окончит духовное училище, как и Сосо, станет профессиональным революционером, как и Сосо, влюбится в Кето Сванидзе, которую отобьет у него Сосо. Далее их пути несколько разойдутся: его удачливый соперник станет Вождем страны, а Сулиашвили отправится в лагерь вместе с другими старыми большевиками...

Но сейчас они вместе стоят на коленях в маленькой церкви...

Глава 2 Загадки детства и юности

«Три мушкетера»

Вспоминает Михаил Церадзе (он также учился в Горийском духовном училище): «Любимой игрой Сосо был «криви» (коллективный ребячий бокс). Было две команды боксеров – те, кто жили в верхнем городе, и представители нижнего. Мы лупили друг друга беспощадно, и маленький тщедушный Сосо был одним из самых ловких драчунов. Он умел неожиданно окказаться сзади сильного противника. Но упитанные дети из нижнего города были сильнее».

И тогда Церадзе, самый сильный боксер города, предложил ему: «Переходи к нам, наша команда сильнее». Но он отказался – ведь в той команде он был первым!

И еще: он умел подчинять. Он организовал компанию из самых сильных мальчишек, назвал их – «Три мушкетера». Петя Капанадзе, тот же Церадзе, Гриша Глурджидзе – имена мальчиков, безропотно выполнявших все приказания малорослого д'Артаньяна – Сосо.

Став Сталиным и уничтожив сподвижников революционера Кобы, он сохранил странную для него сентиментальную привязанность к друзьям маленького Сосо. В голодные годы войны он исправно посылает Пете, Мише и Грише немалые по тем временам деньги... «Прими от меня небольшой подарок. Твой Сосо», – нежно пишет 68-летний Сталин в очередной записочке 70-летнему Капанадзе. Эти записочки остались в его архиве.

Церадзе: «Никогда он не забывал нас, присылал мне открытки с ласковым приветом: «Живи тысячу лет».

Все четыре года в духовном училище Сосо – первый ученик. Ученикам не разрешалось выходить из дома по вечерам. «Надзиратели, которых посылали проверять, всегда находили Сосо дома занятого уроками», – вспоминал один из друзей его детства. Пока мать прибиралась в чужих домах, он прилежно учился. Она счастлива: сын будет священником!

Разные учителя преподавали в училище. Одного из них, Дмитрия Хакуташвили, ученики запомнили на всю жизнь. Он ввел на уроках воистину палочную дисциплину. Мальчики должны были сидеть не шевелясь, положив руки на парту перед собой и глядя прямо в глаза страшному учителю. Если кто-то отводил глаза – тотчас получал линейкой по пальцам. Учитель любил повторять: «Глаза бегают – значит, мерзость затеваешь».

Силу пристального взгляда и страх человека, не смеющего отвести глаза, маленький Сосо запомнил навсегда. (Вспомним рассказ Борисова: «Мы все знали фразу Сталина: «Глаза бегают – значит, на душе не чисто».)

Сурово воспитывали в училище. Но были исключения: Беляев, смотритель училища, – добрый, мягкий. Но ученики его не боялись и оттого не уважали. Сосо запомнит и этот урок.

Однажды Беляев повел мальчиков в Пещерный город – загадочные пещеры в горах. По пути бежал мутный, широкий ручей. Сосо и другие мальчики перепрыгнули, а тучный Беляев не смог. Один из учеников вошел в воду и подставил учителю спину. И все услышали тихий голос Сосо: «Ишак ты, что ли? А я самому Господу спину не подставляю».

Нога и рука

Он был болезненно горд – это часто бывает с теми, кого много унижали. И вызывающе груб, как многие дети с физическими недостатками.

Мало того, что он тщедушен и мал, его лицо покрыто оспинами – следами болезни, перенесенной в шестилетнем возрасте. Рябой – такова будет его кличка в жандармских донесениях.

«Он прекрасно плавал, но стеснялся плавать в Куре. У него был какой-то дефект на ноге, и мой прадедущка, учившийся с ним в старших классах, как-то поддразнил его, что он прячет в туфле дьявольское копыто. Но это ему дорого обошлось. Сосо тогда ничего не сказал. Прошло больше года. В то время за Сосо, как собачка на привязи, ходил главный силач училища Церадзе. Прадедущка уже все забыл, когда Церадзе жестоко избил его». (Из письма К. Дживилегова.)

Я читаю «Медицинскую историю И.В. Сталина». На одной из страниц написано: «Срачивание пальцев левой ноги».

На бесчисленных картинах Сталин часто изображен с трубкой в левой, слегка согнутой руке. Эта знаменитая трубка, ставшая частью его облика, на самом деле должна была скрывать искаленную левую руку. Надежде Аллилуевой, своей второй жене, он объяснял в 1917 году, что в детстве в него врезался фаэтон, и так как не было денег на доктора, ушиб загноился, и рука скрючилась. Эту же версию, записанную с его слов, я нашел в его «Медицинской истории»: «Атрофия плечевого и локтевого суставов левой руки вследствие ушиба в шестилетнем возрасте с последующим длительным нагноением в области локтевого сустава».

Но опять начинаются загадки. Действительно, в детстве катастрофа с фаэтоном была. Но вот как она описана очевидцем С. Гоглицидзе: «Вдень Крещения возле моста через Куру собралось множество народу. Никто не заметил, как с горы мчался фаэтон, потерявший управление. Фаэтон врезался в толпу, налетел на Сосо, ударил дышлом по щеке, сшиб с ног, но, по счастью, колеса проехали лишь по ногам мальчика. Собралась толпа, на руках отнесли Сосо домой. При виде искаленного мать не смогла сдержать вопль. Доктор объявил, что внутренние органы не повреждены. Через несколько недель он вернулся к занятиям».

И другой свидетель тоже рассказывает о ноге, покаленной фаэтоном. И действительно – если бы фаэтон проехал по руке, скорее всего, повредил бы «внутренние органы». И так – по ноге! И доктор был, и быстро вылечил. И ни слова об искаленной руке.

Видимо, эта искаленная рука к его детству отношения не имеет. Она относится к будущим опасным и темным временам нашего героя – к будущим нашим главам.

Но мы забыли про Бесо. Он иногда возвращался. Своеволие жены по-прежнему приводило его в ярость. Она мечтает о сыне-священнике? Значит, этого не будет!

«Ты хочешь, чтобы твой сын стал митрополитом? Ты никогда не доживешь до этого, я сапожник, и он будет им», – часто говорил Бесо. Он попросту увез мальчика в Тифлис и определил на фабрику Адельханова: маленький Сосо помогал рабочим, прислуживал старикам. Но Кэкэ уже не боялась мужа – приехала в Тифлис и увезла сына. Беляев помог ей снова определить мальчика в училище», – вспоминал Гоглицидзе.

Она еще раз победила мужа, еще раз унизила его. После этого Бесо больше никогда не возвращался в Гори. Он исчез. Сверстники Сосо и его биографы пишут: «Погиб в пьяной драке».

А что говорил сам Сосо?

Через несколько лет после «смерти отца в пьяной драке», в 1909 году, он был в очередной раз арестован полицией за революционную деятельность и отправлен в Вологду. Сохранились «сведения о поднадзорном» из Дела № 136 Вологодского жандармского управления.

«Иосиф Виссарионов Джугашвили, грузин из крестьян. Имеет отца Виссариона Иванова 55 лет и мать Екатерину. Проживают: мать в Гори, отец ведет бродячую жизнь».

30 июня 1909 года вновь записано: «Отец Виссарион... ведет бродячую жизнь». И только в 1912 году в жандармских бумагах будут иные показания сына: «Отец умер, мать живет в Гори».

Что это? Его страсть запутывать жандармов? Или... отец действительно тогда был жив и где-то бродяжничал? И однажды попросту исчез? В пьяной драке когда-то погиб брат Бесо. Не попытались ли объяснить тем же исчезновение самого Бесо?

Начало

Тускла, одинакова горийская жизнь. Одним из самых сильных впечатлений Сосо была публичная казнь двух преступников.

13 февраля 1892 года. Тысячная толпа собралась у помоста. Отдельно в толпе – учащиеся и преподаватели духовного училища. Считалось, что зрелище казни должно внушать чувство неотвратимости возмездия, боязнь преступления.

Из воспоминаний Петра Капанадзе: «Мы были страшно подавлены казнью. Заповедь «не убий» не укладывалась с казнью двух крестьян. Во время казни оборвалась веревка, но повесили во второй раз».

В толпе у помоста были двое будущих знакомцев: Горький и Сосо. Горький описал казнь, а Сосо запомнил. И понял: можно нарушать заповеди. Может быть, тогда и зародилась в его голове мысль: а не обманывают ли его в духовном училище?

Начав подозревать, он никогда не мог остановиться.

В 1894 году Сосо блестяще закончил училище – «по первому разряду» – и поступил в первый класс Тифлисской духовной семинарии.

Тифлис – веселый, пьяный, залитый солнцем город. Новый мир, который увидел маленький Сосо... Если взять «Каталог фотографических видов и типов Кавказа», изданный в начале века, вы увидите буйную тифлисскую толпу: важного грузина в черкеске, говорливых ремесленников, сидящих в своих мастерских, музыкантов-зурначей, удалых кинто – уличных торговцев, которые всегда навеселе...

Учащиеся жили в большом здании, отделенные стенами от полного соблазнов южного города. Суровый, аскетический дух служения Господу царил в семинарии.

Раннее утро, когда так хочется спать, но надо идти на молитву. Торопливое чаепитие, долгие классы, и опять молитва, затем скудный обед, короткая прогулка по городу. И вот уже закрылись ворота семинарии. В десять вечера, когда город только начинал жить, учащиеся уже отходили ко сну после молитвы. Так началась юность Сосо.

«Мы чувствовали себя как арестанты, которые должны провести здесь без вины молодые годы», – писал его соученик Иосиф Иремашвили.

Многие из этих пылких, рано созревших юношей были совсем не готовы к такому служению. И они нашли иное учение. Оно позволило им наслаждаться радостями жизни и одновременно удовлетворило ту жажду жертвенности, высокого смысла, которую поселили в них чтение святых книг и благородные мечты юности. Старшие мальчики рассказывали о неких запретных организациях. Как и первые христиане, члены этих организаций провозгласили своей целью жертвенное служение на благо человечества.

Опасные идеи

Российская империя – крестьянская страна с вековыми традициями рабства: только во второй половине XIX века было отменено крепостное право. Порой ее сотрясали кровавые крестьянские бунты, но так же кроваво они умирлялись. И опять в необозримой стране наступали покорность и сон разума.

«Нация рабов. Все рабы снизу доверху» – так сказал о своей стране один из зачинателей революционного движения, Николай Чернышевский. Старинная форма землевладения, гос-

подстывающая в деревне, отчасти объясняла рабскую покорность – это была община, давно уничтоженная в Западной Европе. Отдельный крестьянин не имел права на землю, землей владели все. Община все решала коллективно. Любая бунтарская личность растворялась в этой массе – забитой и покорной.

Русские цари дорожили общиной, однако ее ценили и... первые революционеры. Но если царь видел в общине сохранение великого прошлого, то Герцен и Чернышевский – первые русские радикалы – увидели в ней великое будущее. Коллективная собственность, коллективные решения – это и были те социалистические инстинкты, которые позволят России миновать бессердечный капитализм и сразу войти в социализм. Для этого надобно только революционизировать неграмотного мужика. Нужны агитаторы, новые апостолы. «К топору зовите Русь!»

И царь, и революционеры были правы. Без общинного сознания были невозможны ни трехсотлетняя монархия Романовых, ни последующая победа большевиков. Хотя первый опыт встречи революционеров с реальным народом оказался печальным.

В 1874 году сотни молодых людей (как правило, из состоятельных семей) приняли фиктивные имена, раздобыли фальшивые паспорта и отправились звать к бунту русского мужика. Но «хождение в народ» встретило неприятие крестьян. Большинство неудачливых «апостолов» были схвачены полицией или самими мужиками.

Между тем развитие революционных идей бурно шло в среде интеллигенции. Одним из главных «властителей дум» русского народничества стал публицист Петр Ткачев. Уже в семнадцать лет, студентом юридического факультета Петербургского университета, он вступил в революционное движение, был арестован, посажен в Петропавловскую крепость... Впоследствии Ткачев сумел скрыться за границу, где стал признанным вождем русских яacobинцев. В эмиграции издавал антиправительственный журнал «Набат», потом психически заболел и окончил жизнь в приюте для душевнобольных. Ему был всего сорок один год.

Ткачев провозглашает уже нечто новое. Оказывается, для успеха революции совсем не нужно общенародное восстание. Революция – дело узкого круга, ее успех может быть результатом удавшегося заговора революционеров-вождей. Они должны захватить власть в стране и уже потом преобразовать привыкшее к рабской покорности русское общество, на всех парах помчаться русский народ в социализм – в светлое будущее. Но во имя светлого будущего предполагалось истребить большинство населения, которое по неразвитости будет мешать идти в рай социализма. Когда Ткачева спросили: «Сколько людей из старого общества придется уничтожить, чтобы создать счастливое будущее?», он ответил: «Нужно думать о том, сколько их можно будет оставить».

Среди столпов революционного народничества был Михаил Бакунин – отец русского анархизма. Его идеи легли в основу знаменитого «Катехизиса революционера», написанного Сергеем Нечаевым – создателем тайного общества с характерным названием «Народная расправа». «Катехизис» предписывал порвать с законами цивилизованного мира: «Наше дело – страшное, повсеместное разрушение... Быть беспощадным, но не ждать пощады к себе и быть готовым умереть. Для дела разрушения строя проникать во все круги общества, включая полицию... Эксплуатировать богатых и влиятельных людей, подчиняя их себе. Усугублять всеми средствами беды и несчастья народа, чтобы исчерпать его терпение и толкнуть на восстание... Соединиться с диким разбойничьим миром – этим единственным революционером в России...»

У каждого «посвященного» революционера должно быть под рукой несколько революционеров «второго и третьего разрядов», то есть не совсем посвященных. На них он должен смотреть как на «часть общего капитала, отданную в его полное распоряжение».

«Титан революции, один из пламенных революционеров» – так называл Бакунина Ильич», – вспоминал Владимир Бонч-Бруевич слова молодого Ленина.

Новые апостолы

Многие русские революционеры, которым было запрещено жить в столице, выбирали для жительства благодатный Тифлис. С ними часто встречались умные семинарские мальчишки. Знакомится со ссыльными и Сосо. От них он и получил «Катехизис».

После отбоя, при свете огарка, читал он новые заповеди.

Без Ткачева, без «Катехизиса революционера» не понять ни нашего героя, ни всю историю России XX века.

Но особенно привлекательными, вызывающими испуг и сладкую дрожь семинаристов были идеи революционного террора.

Опасаясь капитализма в России, который разрушал общину – оплот будущего социализма, – революционеры решили ускорить падение строя, свергнуть царизм постоянными покушениями на его слуг – виднейших государственных деятелей – и самого царя. Им удалось убить царя Александра II... Но вместо ожидаемого народного взрыва начался мрачный период царствования Александра III.

Именно в это время из народничества выделяются марксисты. Их первые вожди символичны: Георгий Плеханов, сын русского помещика, и нищий еврей Павел Аксельрод. Они восприняли марксизм по-русски, как Библию, которая предсказывает будущее. Согласно Великому учению, русские последователи Маркса стали ждать плодов развития капитализма в России, поскольку, как учил немецкий философ, капитализм порождает своего убийцу – пролетариат, который неминуемо свершит социалистическую революцию. Смущало, правда, то, что ждать было долго, ибо грозный убийца капитализма, как и сам капитализм, был в России в младенческом состоянии. Но русские марксисты решили с пеленок вести его к революции, создав для этого партию пролетариата.

Марксизм быстро завоевывает Тифлисскую духовную семинарию. Семинаристам легко усваивать марксистские идеи: жертвенное служение нищим и угнетенным, презрение несправедливому богатству, обещание царства справедливости с воцарением нового мессии – Всемирного пролетариата – все это отчасти совпадало с тем, что было посеяно религиозным воспитанием. Отменялся только Бог. Но взамен они получали возможность жить в мире, наслаждаться его утехами. Отменялось малопонятное их возрасту «добром отвечать на зло», а вместо этого юным дикарям, сынам воинственного народа, даровалось право быть беспощадными к врагам их нового мессии. Вопрос маленького Сосо: «Почему Иисус не вынул саблю?» – был разрешен. И главное: униженное положение большинства из них, находившихся внизу социальной лестницы, объявлялось несправедливым. Они получали право самим его изменить.

Теперь Сосо – постоянный слушатель всех марксистских диспутов. И все заманчивее звучит для гордого, нищего мальчика великое обещание революции: «Кто был ничем – тот станет всем».

«В революционное движение вступил с 15 лет», – напишет он впоследствии.

Поэт

Его характер изменился, прошла веселость, любовь к играм. «Он стал задумчив, казался мрачным и замкнутым, – пишет его сверстник, – он не расстается с книгой». Точнее – с новыми

книгами. В это время Сосо уже владел тайной. Он сказал сверстнику: «Бога нет, они обманывают нас». И показал испуганному мальчику книгу Дарвина. Именно тогда он научился таить. Он, тайный неверующий, по-прежнему блестяще отвечает на уроках, где религия – смысл и содержание. Двоедушие становится его повседневной жизнью.

Его расставание с прошлым, его одиночество находят выражение в стихах, что обычно для юноши. Он посылает стихи в «Иверию». Журналом руководит король грузинских поэтов – князь Илья Чавчавадзе.

«Иверия» печатает стихотворения Сосо – обычные юношеские грезы о луне, цветах. Семь стихотворений в 1895–1896 годах опубликовал в журнале поэт Сосо. Первое – бравурное, счастливое:

Цвети, родная Иверия!
Ликуй, родимый край...

Последнее – трагическое:

Там, где раздавалось бряцание его лиры,
Толпа ставила фиал, полный яда, перед гонимым
И кричала: «Пей, проклятый!
Таков твой жребий, твоя награда за песни.
Нам не нужна твоя правда и небесные звуки!»

Сосо готовится к жертвенному пути. Он помнит слова «Катехизиса»: «Революционер есть человек обреченный».

Согласно легенде, Чавчавадзе верил в будущее поэта. Даже напутствовал: «Следуй этой дорогой, сын мой». Возможно, это не только легенда: в 1907 году «Грузинская хрестоматия, или Сборник лучших образцов грузинской поэзии» перепечатала раннее стихотворение Сосо.

Но в том году наш поэт уже слагал совсем иные стихи...

Стихи оказались его последним «прости» маленькому Сосо.

В это время родилось его новое имя. Как и положено поэту, он увлекся литературным персонажем. Коба – имя героя любимого произведения его юности, написанного писателем Казбеги. Коба – грузинский Робин Гуд, бесстрашно грабивший богатых. Все то же нечаевское: «Соединиться с диким разбойничьим миром – этим единственным революционером в России».

Интересно и название его любимого произведения – «Отцеубийца». Все правильно: он восстал против Отца. И именно в это время он убил в себе Отца.

Бывший блестящий ученик Духовной семинарии Сосо – ныне революционер Коба. Это имя на долгие годы станет его главной кличкой.

Два революционера

В это время в сибирской ссылке жил революционер. Он был всего на восемь лет старше Кобы. Ему суждено сыграть необычайную роль в его жизни. XX век запомнит этого революционера под именем Ленин.

Как не похожи эти двое...

Сын действительного статского советника, потомственный дворянин, Ленин рос в интеллигентнейшей русской семье. Его родители обожали своих детей. Отец, отдавший всю жизнь делу просвещения, был попечителем учебных заведений... И сын пьяного сапожника, не видевший от отца ничего, кроме побоев, и от жизни ничего, кроме нищеты...

И при этом: как странно они похожи!

В детстве Ленин – резок, заносчив. Как Коба.

Ленин – нетерпелив, вспыльчив и при этом может быть удивительно выдержан, скрытен и холоден. Как Коба.

Оба были поэтическими натурами. Юный Ленин бродит по аллеям дедовского поместья, зачитываясь чувствительным романом о любви – «Дворянским гнездом» Тургенева. Юный Коба пишет сентиментальные стихи. Оба при маленьком росте фанатично, почти болезненно стремились быть первыми – уже в детских играх.

Оба рано теряют отцов, оба – кумиры своих матерей.

Оба не собирались быть революционерами. Ленин стал им после того, как его старший брат был повешен за участие в попытке покушения на Александра III. Ленин испытал огромное потрясение: его брата, честного, доброго юношу, отправили на виселицу! Страдание матери, внезапное изменение положения в обществе – и вот он уже возненавидел несправедливость жизни. Любимое сочинение казненного брата – роман Чернышевского «Что делать?» – по выражению Ленина, «перепахал» его. Так же, как «Отцеубийца» «перепахал» Кобу.

Грубое романтически-бульварное чтение Кобы и книга знаменитого философа-революционера были похожи. Их главная мысль – устранение несправедливости насилием.

И оба, вступая в революцию, твердо усвоили: настоящий революционер должен быть беспощадным и не бояться крови. Оба имели преданных сторонников и обладали секретом «харизмы» – гипнотического влияния на людей, господства над ними.

Глава 3 Конец Сосо

На рубеже столетий

Кобе удастся установить контакты с революционным подпольем. Стихи прекратились. Навсегда. Теперь во время отлучек из семинарии он руководит рабочими марксистскими кружками и вступает в социал-демократическую организацию «Месаме-Даси».

В 1898 году его имя становится одним из главных в журнале проступков учеников: «О чтении воспитанником И. Джугашвили запрещенных книг», «Об издании И. Джугашвили нелегального рукописного журнала»... На укоризненные слова учителей он научился отвечать презрительной улыбкой. Он презирает этих обманщиков, служащих несуществующему Богу.

Он перестает хорошо учиться – не хочет тратить напрасно время.

Но самое интересное: он стал одним из главных действующих лиц семинарской жизни. Вся семинария делится на его друзей и врагов. Но и враги боятся его скрытного, мстительного характера, его утонченных издевательств и грубых вспышек его гнева. И мести его друзей. Самые сильные мальчики в каком-то рабском подчинении у тщедушного семинариста с маленькими глазками, которые в ярости загораются опасным желтым огнем.

В Грузии ценится мужская дружба. У него много друзей. Точнее, тех, кто поверил, что они его друзья. На самом деле и тогда, и в будущем он одинок. Просто есть юноши, которых он убеждает в своей дружбе и использует их в борьбе с другими юношами, которых считает своими врагами. Иосиф Иремашвили, который много будет писать о нем в своей книге воспоминаний, пылкий Миша Давиташвили, бывший его верной тенью... сколько их было и будет, веривших в его дружбу...

А записи проступков в журнале продолжались: «Читал недозволенные книги», «Грубое объяснение с инспекцией», «Обыску Иосифа Джугашвили, искали недозволенные книги»...

Он будто провоцирует администрацию исключить его из семинарии.

Почему он не ушел сам? Страх перед матерью? В тот период он уже не ездил домой на каникулы – видно, не хотел объяснений с ней.

В 1899 году свершилось: он исключен. «Вышиблен из семинарии за пропаганду марксизма» – так он объяснит сам. Но...

На самом деле Коба предпочел избавиться от семинарии куда более безопасным способом. Передо мной «Выписка из журнала общего собрания правления Духовной семинарии об увольнении Иосифа Джугашвили из семинарии за неявку на экзамен».

Как всегда, он действовал осторожно.

В конце умиравшего века он определил свой путь, чтобы стать одним из главных действующих лиц века грядущего.

Мать узнает: он отказался от служения Богу. Жертвы были напрасны. Обет нарушен. Религиозная Кэкэ переживает страшный удар. Она боится: Бог оставит Сосо. И придет дьявол?

В Рождество Коба поступает на работу. Это первая и... последняя работа в его жизни. Сохранилась «Выписка из отчета Тифлисской Главной физической обсерватории о поступлении на службу Иосифа Джугашвили 26 декабря 1899 года».

После Рождества он приходит в обсерваторию. Его службу описал некий К. Домбровский, работавший вместе с ним: «Иосиф работал наблюдателем-вычислителем обсерватории. Там не было самопишущих приборов, поэтому круглосуточная регистрация всех элементов

погоды велась живыми наблюдателями. Днем и ночью. Дневной дежурный работал до девяти вечера, когда его сменял ночной дежурный».

Новый год ему пришлось встретить в обсерватории ночным дежурным. Близился неизвестный XX век – и человек, которому суждено было определить его течение, глядел в глубь Вселенной...

Основание его партии

Работа в обсерватории была лишь прикрытием. Там в своей комнатке он прятал нелегальную литературу и листовки Тифлисского комитета недавно созданной Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП).

На исходе века русские марксисты-эмигранты перешли от слов к делу. Плеханов и Аксельрод настаивали на создании марксистской рабочей партии. И свершилось! В основании новой партии активно участвовал Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России (Бунд) – массовое движение, объединявшее более двадцати тысяч евреев-антисионистов и марксистов. Они верили: только социализм покончит с антисемитизмом.

В 1898 году в Минске собрался подпольный учредительный съезд, который торжественно основал Российскую социал-демократическую рабочую партию. Съезд избрал ЦК и провозгласил создание местных комитетов. Большинство членов ЦК было арестовано сразу же после съезда, но местные комитеты множились. Один из них, при участии Кобы, и появился в Тифлисе.

Ленин после ссылки выезжает за границу и там увлекает Плеханова, Аксельрода и прочих марксистов-эмигрантов идеей необычной газеты. Она должна была иметь своих агентов по всей России. Газета называлась «Искра». И эпиграф к ней: «Из искры возгорится пламя» – был программой. Ленин и его сподвижники решили сжечь старую Россию.

Им это удастся. Большинство агентов «Искры» увидят победу революции. Чтобы погибнуть уже после революции – в сталинских лагерях.

В 1900 году в Тифлисе появляется агент «Искры» Виктор Курнатовский. Он передал местной ячейке РСДРП главные мысли Ленина: новая партия должна строиться на сверхконспирации. Никаких широких дискуссий, никакой свободы мнений в партии быть не может. Это боевая организация, ставящая целью революцию. Отсюда – беспрекословное подчинение приказам центра и жесткая дисциплина. Марксизм – святая святых новой партии. Всякая попытка ревизии любого положения Учения должна осуждаться как происки врагов рабочего класса. Коба сразу оценил силу этого азиатского марксизма. Он сразу стал ленинцем.

Первая кровь

Силу новых идей проверили в деле – начали готовить демонстрацию рабочих в Тифлисе, которая должна была закончиться кровью. И Коба, и Курнатовский надеялись на эту кровь.

«Коба часто говорил: кровавая борьба должна привести к скорейшим решениям», – вспоминал Иремашвили. Он не знал: Коба лишь повторял ленинские лозунги, которые привез Курнатовский.

В это время к нему приезжает мать. Некоторое время она живет у сына в обсерватории. Видимо, Кэкэ пыталась вернуть Сосо в семинарию. Она еще надеялась... Она не знала: ее Сосо умер, и появился Коба. Под этим именем он был известен теперь новым братьям-революцио-

нерам. И вскоре бедной женщине пришлось понять свое бессилие. Бог ушел из сердца Сосо, с ней говорил незнакомец – Коба. Мать возвращается в Гори.

За месяц до демонстрации начались аресты. Арестован Курнатовский, но Коба сумел исчезнуть. Накануне демонстрации он подает прошение об увольнении и в конце марта увольняется из обсерватории. Но комнатка остается пока за ним – комнатка, превращенная в склад нелегальной литературы.

1901 год. В первый майский день в центре города появились люди в теплых пальто и бараньих шапках. Это рабочие, приготовившиеся к встрече с нагайками казаков. Демонстрантов было около двух тысяч. Крики «Долой самодержавие!», полиция разгоняет буйную толпу.

И кровь пролилась: были раненые. Все это было внове для веселого, легкомысленного южного города. «Можно считать, что началось открытое революционное движение на Кавказе», – с удовлетворением писала «Искра».

В городе идут обыски и аресты. Обыск – в обсерватории, в комнате Кобы, но его там давно уже нет. Еще не раз нас поразит его умение исчезать в решающие и опасные дни.

«Коба, один из разыскиваемых вожаков, успел скрыться... он бежал в Гори... тайно в ночные часы он посещал меня в моей квартире», – писал Иремашвили.

Там, в Гори, видимо, продолжались объяснения с матерью. Но мать должна помогать скрываться сыну, и она помогала. Только могла ли она любить Кобу, в сердце которого – пламя ненависти? Она, боготворившая маленького Сосо, мечтавшая увидеть его священником?

Кобе трудно жить в ее доме. При первой возможности он возвращается в опасный Тифлис и растворяется в революционном подполье.

Часть вторая Коба: Жизнь и смерть

Глава 4 Загадки Кобы

«Левая нога Ленина»

Начинается жизнь профессионального революционера, именуемая «нелегальным положением». Фальшивые документы, бесконечные явочные квартиры, подвалы, где прячут подпольные типографии... Тайное сообщество молодых людей, именуемое «Тифлисский комитет РСДРП»...

«Это было время людей от 18 до 30 лет. Революционеры старше этого возраста насчитывались единицами... Слова «комитет», «партия» были еще новы, овеяны свежестью и звучали в молодых ушах заманчивой мелодией. Вступивший в организацию знал, что через несколько месяцев его ждут тюрьмы и ссылка. Честолюбие заключалось в том, чтобы продержаться как можно дольше до ареста, твердо держаться перед жандармами» (Троцкий).

Но прошли эти несколько месяцев, а Коба все еще на свободе.

Иремашвили: «Я несколько раз посещал Кобу в его маленькой убогой комнатке. Он носил черную русскую блузу с характерным для всех социал-демократов красным галстуком. Его нельзя было видеть иначе, как в этой грязной блузе и нечищенных ботинках. Все, напоминавшее буржуа, он ненавидел...»

«Грязная блуза, нечищенная обувь были общим признаком революционеров, особенно в провинции», – с сарказмом пишет Троцкий.

Да, наивный юный Коба старается походить на настоящего революционера. Все как положено: носит грязную блузу и ходит в рабочие кружки объяснять пролетариям учение Маркса. Здесь вырабатывается его убогий стиль, столь понятный полуграмотным слушателям. Стиль, который потом принесет ему победу над блистательным оратором Троцким.

Восток требует культа. И «азиат», как называл его большевик Красин, нашел своего бога – Ленина.

«Он преклонялся перед Лениным, боготворил Ленина. Он жил его мыслями, копировал его настолько, что мы в насмешку называли его «левой ногой Ленина», – вспоминал революционер Р. Арсенидзе.

И бог Кобы не обманул его. Вышедшая в 1902 году работа Ленина «Что делать?» была взрывом бомбы. До нее марксисты безнадежно повторяли: пока в России по-настоящему не разовьется капитализм – ни один волос не падет с головы самодержавия. Революция отодвигалась в темноту времени, революционеры должны были работать для грядущих поколений. Своей книгой Ленин вернул им надежду. Он заявил: мощная законспирированная организация профессиональных революционеров при помощи насильственного переворота в силах осуществить революцию. Ибо Россия – страна вековой покорности. В России нужно лишь захватить власть – и общество покорится. Тайная организация героев сможет опрокинуть самодержавие. Как все это по душе Кобе!

Первый арест

Продолжать находиться в Тифлисе – значит увеличивать опасность ареста... Между тем, согласно Троцкому, арест входил в «обязательную программу» революционера, ибо «открывал возможность самого волнующего – выступления на суде».

Истинные революционеры жаждали быть арестованными, чтобы превратить суд в трибуну для пропаганды. Но этот путь закрыт для Кобы с его тихим голосом, медленной речью, грузинским акцентом. Только на свободе, в конспиративной тени, он чувствует себя уверенно.

Коба направляется Комитетом в Батум.

Батум – южный порт с узкими улочками, ветром с моря, прохладными двориками, где стирание белья плещется на ветру, как паруса кораблей. Город, где надо любить и веселиться. Здесь продолжается его тайная работа. Сверстники влюбляются, женятся, делают первые шаги в карьере, а Коба одержимо мечется по нелегальным квартирам. Готовится мощная демонстрация, похожая на восстание. Будет много крови.

Он помнит завет: в великой крови рождаются великие революции.

Теперь у безвестного юноши появился дотошный летописец – полиция. Семнадцать лет его жизни в новом веке опишут полицейские протоколы. Останутся его точные словесные портреты, фотографии анфас и в профиль.

Я просматриваю дела Тифлисского жандармского управления. Донесения о деятельности Тифлисской организации РСДРП, о рабочих сходках под руководством Джугашвили...

«Он все более становится вождем маленькой кучки сторонников Ленина в Грузии», – писал Иремашвили. Да, он сразу – Вождь. И деспот. В полицейском донесении сообщалось: «Во главе Батумской организации находится Джугашвили... Деспотизм Джугашвили многих возмутил, и в организации произошел раскол».

Но зато каковы результаты его деспотизма!

Тихий Батум потрясает невиданная демонстрация рабочих. Столкновения с полицией: полтора десятка убитых, множество раненых. Кровь и ярость! Опять удача!

Аресты в городе... И снова он успевает исчезнуть – бежит в горы. Вспоминает революционер Като Бачидзе: «Через горное селение Кром проходил Коба, вынужденный скрываться после демонстрации. Крестьянка приютила его, дала умыться и отдохнуть».

Горы, солнце, белые домики, старики в тени деревьев лениво пьют вино... время оставалось... Здесь испокон веков жили его предки... Нет, эта жизнь не для него. Но в Тифлис возвращаться опасно – там его давно ищут; и в Гори нельзя – там его будут искать. Он решается на неожиданный шаг – вернуться на место преступления, в Батум. Такой дерзости полиция не ожидала.

Ему удастся продержаться целый месяц. В это время он занимает следующую ступеньку в иерархии заговорщиков – избран в состав Всекавказского комитета РСДРП.

А потом была южная весенняя ночь и тайная сходка революционеров. Но среди них оказался провокатор – и дом был окружен полицией.

И полиция продолжила писать его биографию:

«Рапорт пристава четвертого участка г. Батума об аресте в 12 часов ночи 5 апреля 1902 года И. Джугашвили на сходке рабочих в квартире М. Даривелидзе».

По счастливому городу в час, когда вываливались из трактиров его беззаботные сверстники, Кобу везут в тюрьму. Впервые. И сразу – в страшную батумскую тюрьму. Начинается его путешествие по тюрьмам: батумская, кутаисская...

«Учимся понемногу, учимся»

Азиатская тюрьма: побои надзирателей, грязь, абсолютное бесправие заключенных, расправы уголовных над политическими. Вначале Коба растерялся, заметался, выбрасывает через окно тюремного замка отчаянную записку без подписи. Он просит передать ее матери: «Если спросят: «Когда твой сын выехал из Гори?» – говори: «Все время находился в Гори».

Конечно, тюремный надзор перехватил почту. За наивным поступком – отчаяние потерявшего голову.

Но скоро он освоится в тюрьме.

Петр Павленко: «Учимся понемногу, учимся», – Иосиф Виссарионович любит повторять эти слова. С мягким акцентом и тихой усмешкой».

«Учимся понемногу, учимся»... Он открыл: в тюрьме, наряду с властью надзирателей, существовала незримая власть уголовников. И ему, нищему сыну пьяницы, нетрудно найти с ними общий язык. Он – *свой*. Так он исполнил заповедь «Катехизиса революционера» – соединился с разбойничьим миром. Он понял потенциал преступников в революции.

И Ленин всегда ценил его умение найти общий язык с уголовниками. В гражданскую войну, когда части, составленные из бывших арестантов и пьяных солдат, бунтовали, Ленин тотчас предлагал: «А не послать ли нам туда товарища Сталина – он умеет с такими людьми разговаривать».

Его новые знакомые уважали физическую силу. У него ее не было. Но, привыкший с детства к побоям, он доказал им иное: презрение к силе. В это время начальство тюрьмы решило преподать урок политическим. Урок по-азиатски.

Из воспоминаний революционера Н. Верещака: «На следующий день после Пасхи первая рота выстроилась в два ряда. Политических заключенных пропускали сквозь строй, избивая прикладами. Коба шел, не сгибая головы под ударами прикладов, с книжкой в руках».

И вскоре, как в училище, как в семинарии и в Комитете, Коба *захватывает власть* в тюрьме. Уголовников подчинила странная сила, исходившая от этого маленького черного человека с яростными желтыми глазами.

В тюрьме он установил для себя железный распорядок: утром занимался гимнастикой, затем – изучение немецкого языка (Маркса истинные революционеры должны читать в подлиннике).

Языка он так и не выучил. Его успехи в тюрьме были другие.

Всякий, кто не признал его власти, становился жертвой жестоких побоев. Расправу чинили его новые друзья-уголовники.

Но вот «заросший черными волосами, маленький рябой грузин» готовится идти в первую свою ссылку.

Верещака: «Коба был скован ручными кандалами с одним товарищем. Заметив меня, он улыбнулся». У него была странная улыбка, от которой иногда мороз пробежал по коже.

По этапу его доставляют на край света – в село Нижняя Уда в Иркутской губернии. В своем единственном черном демисезонном пальто южный человек очутился в холодной Сибири. Снег, который лежит на его родине только высоко в горах, теперь окружал его всюду.

В ссылке он получает письмо от бога – Ленина!

Троцкий насмешливо объяснял, что это было обычное циркулярное письмо. Его за ленинской подписью под копирку рассылала Крупская всем сторонникам Ленина в провинции. Но наивный азиат не знал этого – он был счастлив: бог его заметил!

Он запомнил этот день и включил его во все свои биографии.

В ссылке он узнал подробности великого события, о котором не писала ни одна газета: 30 июля 1903 года в Брюсселе сбылась мечта Ленина. Четыре десятка революционеров собрались в сарае. На дверях висел клочок бумаги с надписью: «Съезд Российской социал-демократической рабочей партии».

Им предстояло родить в этом сарае атеистического мессию – партию, которая должна была сделать счастливым все человечество.

На съезде председательствовал Плеханов. Но с первых же заседаний Ленин начал раскалывать не успевшую родиться партию. С группой молодых сторонников он пошел против тогдашних авторитетов русского социализма – потребовал жесткой централизованной организации (наподобие религиозного ордена) с беспощадным внутренним подчинением. Плеханов и Мартов пытаются отстоять хотя бы видимость свободы дискуссий. Но Ленин неумолим.

И он сумел расколоть съезд, объединил во фракцию своих сторонников. Во время голосования по одному из пунктов его противники получили меньшинство, и Ленин ловко приклеил им кличку «меньшевики», с которой они и вошли в историю. Себе и своим сторонникам он взял гордое имя «большевики». Как должен был хохотать Коба, узнав, что эти глупцы (меньшевики) согласились называть себя столь унижительно. Ну разве могут такие руководить партией?

После съезда во всех провинциальных комитетах началась непримиримая борьба между большевиками и меньшевиками – борьба за власть над партией. Теперь горласто и беспощадно они будут биться на всех съездах почти два десятка лет.

В 30-е годы Коба окончательно завершит эту борьбу, истребив в лагерях последних революционеров-меньшевиков.

Такие удачные и странные побеги

Был ноябрь, и уже стояла сибирская зима – то с вьюгой, то с лютым морозом. В этой холодной, беспощадной земле Коба тосковал по теплу, по горам. И пытался бежать. «Он сделал первую попытку бежать в ноябре 1903 года, но отморозил уши и нос. Ему пришлось вернуться в Уду», – вспоминал его товарищ по ссылке.

Но уже 5 января 1904 года полицейский протокол сообщает: «Ссылный Джугашвили бежал».

Через всю Россию он ехал в Тифлис по подложным документам на имя русского крестьянина – с его грузинским лицом, с акцентом! Через всю Россию! И никто его не задержал!

Он живет в Тифлисе. И это тоже странность. «Видные революционеры редко возвращались на родину, где были бы слишком заметны», – писал Троцкий. Вернувшись, нелегал попал в поле зрения полиции и, по статистике, самое большее через пол года – арестовывался. А Коба четыре года – с января 1904-го до марта 1908-го – продержится на нелегальном положении! Тифлисская охранка, контролирующая весь Кавказ, не может его арестовать! Так написано в его официальной биографии. Но есть иные сведения.

«В 1906 году он был арестован и бежал из тюрьмы». (Из «Справки об И. Джугашвили», составленной в 1911 году начальником Тифлисского охранного отделения И. Пастрюлиным.)

«28.01.1906 г. И. Джугашвили задержан на квартире Мухоморова».

Значит, арестовывался? И опять удачно бежал? И вновь не побоялся возвращаться на опасный Кавказ? Почему?

В Тифлисе Коба знакомится с Сергеем Аллилуевым.

«Мы познакомились с ним в 1904 году – он только что бежал из ссылки», – вспоминал Аллилуев. Сергей в партии со дня ее основания, работал в железнодорожных мастерских, где в рабочих кружках пропагандировал марксизм Коба. У Аллилуева – экзальтированная красавица жена. Ей не было четырнадцати лет, когда, выкинув из окна узелок с вещами, она сбежала с ним из отчего дома. Теперь ей под тридцать – и она по-прежнему умеет увлекаться. Но каждый ее новый роман заканчивается возвращением к доброму Сергею...

Есть страшноватая легенда: появление Кобы не оставило равнодушной пылкую женщину, и рождение младшей дочери Аллилуевой – Нади – могло иметь отношение к этому увлечению. К счастью, это только легенда. Когда Коба знакомится с Аллилуевым, Надя уже появилась на свет.

Наступил 1905 год – и пошатнулась дотоле непоколебимая Империя. Первая русская революция оказалась неожиданной и для большевиков, и для меньшевиков. Пока они спорили о революции – она началась. Массовые беспорядки, нападения на полицию, мятежи в армии, баррикады... Революция всегда театр. И на сцену вышли «герои-любовники» – блистательные ораторы. В это «время ораторов» Коба, по свидетельству Троцкого, затерялся, отошел в тень.

Но эта тень странна, таинственна. Известно только, что он редактировал в Тифлисе маленькую газетенку «Кавказский рабочий листок», писал теоретическую работу, где пересказывал мысли Ленина... И это все, чем занимается деятельнейший Коба в дни революции?

Нет, конечно, было еще что-то! И это «что-то» утаил от нас великий конспиратор. Сумел! Недаром в те годы происходили таинственные аресты, скрытые им в своей биографии. Недаром именно в то время Ленин отмечает Кобу – и тот отправляется на первую конференцию большевиков в Таммерфорсе. И опять с чужим паспортом на русскую фамилию (!). И это – в дни революции, когда поезда в Финляндию, где скрывалось множество революционеров, кишат агентами секретной службы! Но Кобу не схватили. Он опять удачлив. Поистине странно удачлив.

Встреча с его Богом

В Таммерфорсе он первый раз видит Ленина. Вся наивная, первобытная дикость тогдашнего Кобы – в его рассказе о встрече с кумиром: «Ленин рисовался в моем воображении в виде великана. Каково же было мое разочарование, когда я увидел самого обыкновенного человека... Принято, что великий человек обязательно должен запаздывать на собрания... чтобы члены собрания с замиранием сердца ждали его появления...» Но Ленин, к его изумлению, пришел вовремя и «вел беседу с обыкновенными делегатами».

Коба удивлялся искренне. Ибо сам... «На собрания Коба всегда опаздывал, ненамного, но постоянно», – писала революционерка Ф. Кнунянц.

«На съезде он не выступал. И за пределами съезда ничем себя в это время не проявил» – так справедливо отметит Троцкий. Но Ленин опять зовет его участвовать в IV съезде в Стокгольме. А потом «не проявившего себя» Кобу приглашают на новый съезд – в Лондон.

Заметим: посещения европейских столиц не произвели впечатления на бывшего поэта, и он никогда о них не вспоминал. Рассказывая о своей первой встрече с Парижем, Троцкий объяснил это за Кобу: «Чтобы охватить Париж, нужно слишком расходовать себя. А у меня была своя область, не допускавшая соперничества: революция».

И в этом они все были под стать друг другу. Революционерка Мария Эссен описывает прогулку с Лениным в горах Швейцарии. Они на вершине – Ленин и молодая женщина. «Ландшафт беспредельный, нестерпимо ярко сияет снег... я настраиваюсь на высокий стиль... уже готова декламировать Шекспира, Байрона. Смотрю на Владимира Ильича – он сидит, крепко задумавшись. И вдруг выпаливает: «А все-таки здорово гадят нам меньшевики!»... И Коба

такой же: не ходит в музеи, не бродит по улицам... Все эти буржуазные столицы для них – лишь бивуаки на пути к революции.

Итак, Ленин зовет Кобу на съезды, а он все так же ничем особым себя не проявляет. Или точнее: иногда проявляет особую, ненавистную Ленину черту.

В узкой среде революционеров до Ленина не могли не дойти некоторые шокирующие высказывания Кобы типа: «Ленин возмущен, что Бог послал ему таких товарищей, как меньшевики. В самом деле, что за народ все эти Мартов, Дан, Аксельрод – жида обрезанные! Да старая баба Вера Засулич. И на борьбу с ними не пойдешь, и на пиру не повеселишься». Или: «Они не хотят бороться, вероломные лавочники... еврейский народ произвел только вероломных, которые бесполезны в борьбе» (цитируется по книге И. Давида «История евреев на Кавказе»).

Здесь слышна живая речь юного, дикого Кобы.

Впрочем, можно взять и статью самого Кобы, напечатанную в нелегальной газете «Бакинский рабочий» в 1907 году. Это его отчет об участии в лондонском съезде РСДРП, где все в той же веселой манере Коба изложил те же мысли: меньшевики – сплошь еврейская фракция, а большевики – русская, и потому «есть неплохая идея для нас, большевиков, – устроить погром в партии».

Почему же Ленин, окруженный евреями-революционерами, сам имевший в роду еврейскую кровь, прощал Кобе ненавидимый подлинными интеллигентами антисемитизм и после подобных высказываний звал его на все съезды? Объяснить это можно лишь требованием «Катехизиса революционера»: «Ценить товарищей только в зависимости от пользы их для дела». Да, Ленин мог не заметить этих высказываний, если Коба был нужен делу. Очень нужен. Чем-то важным себя проявил.

Тайна Кобы

На лондонском съезде они впервые встретились – Коба и Троцкий. Лев Давидович явился на съезд в ореоле славы, затмив бога Ленина.

В отличие от споривших о революции эмигрантов-теоретиков Троцкий приехал из России – из самой гущи революции.

В последние дни легендарного Петербургского Совета Троцкий был его вождем, восторженно слушали его толпы. Он был арестован, бесстрашно держался на суде, был приговорен к пожизненной ссылке, бежал из Сибири, проехал семьсот километров на оленях... И Троцкий попросту не заметил косноязычного провинциала с грузинским лицом и нелепой русской партийной кличкой «Иванович».

Троцкий заметил другого. И написал о нем. На съезде выступил дотоле неизвестный молодой оратор, блестящая речь которого настолько поразила делегатов, что он был сразу избран в Центральный комитет РСДРП. Оратора звали Зиновьев – под этой партийной кличкой молодой большевик Григорий Радомысльский сразу стал знаменитым партийцем.

Что должен был испытывать самолюбивый Коба, видя это внезапное возвышение говоруна (опять же еврея), видя славу другого самовлюбленного еврея – Троцкого? И при этом сознавать, что о его собственных заслугах партия никогда не узнает. О них был осведомлен лишь один Ленин.

Сразу после лондонского съезда Ленин отправляется в Берлин, куда на встречу с ним приезжает... Коба. Об этом через много лет он сам расскажет в беседе с немецким писателем Эмилем Людвигом. Но о чем он разговаривал в Берлине с Лениным – не расскажет...

Вскоре после благополучного возвращения Кобы в Тифлис (в который раз это фантастическое везение!) станет ясно, о чем он совещался с Лениным.

Случилось это в жаркий летний день 26 июня 1907 года. Было 11 часов дня. Эриванская площадь в Тифлисе, как всегда, полна народа – пестрая, веселая южная толпа. Два экипажа в сопровождении эскорта казаков въехали на площадь: везут большую сумму денег Государственного банка. Почти одновременно на площадь въезжают два фаэтона: в одном мужчина в офицерской форме, в другом две дамы. По команде «офицера», преграждая путь экипажам с деньгами, будто из-под земли появляется банда в полсотни человек. На казаков и прохожих посыпались бомбы. В грохоте и дыме бандиты бросаются к экипажам...

Из показаний полицейского: «Злоумышленники среди дыма и удушающих газов схватили мешок с деньгами... открыли в разных концах площади револьверную стрельбу и скрылись».

На площади остались убитые – казаки, полицейские и солдаты, в клочья разорванные бомбами. И стонущие, изуродованные прохожие, валявшиеся среди разнесенных в щепки экипажей.

«Личное участие Кобы в этой кровавой операции считалось в партийных кругах несомненным», – напишет Троцкий.

Кровь, много крови всюду, где появляется маленький черный человек.

Уголовное крыло партии

После смерти Сталина Никита Хрущев в своем знаменитом докладе о культе личности негодовал, что Сталин «принижал роль Политбюро созданием внутри ЦК неких «шестерок», «пятерок», наделенных особыми полномочиями... Что это за терминология картежника?» – возмущался Хрущев. Но он, относившийся к послеленинскому поколению партии, не знал (или делал вид, будто не знал), что замахнулся на одну из самых старых традиций партии. «Тройки», «пятерки» и прочие «узкие составы», создаваемые Вождем внутри руководства, не известные никому, кроме участников и самого Вождя, появились во времена Ленина.

Одна из этих ленинских «троек» имела непосредственное отношение к нападению на Эриванской площади.

В конце XIX века идеи революционного терроризма владели умами многих молодых людей. Убийство во имя революции именовалось «актом революционного возмездия». Грабеж банков, богатых домов назывался «экспроприацией». Боевики, осуществлявшие убийства и экспроприации, казались романтическими Робин Гудами. «Мы окружены всеобщей любовью и сочувствием... наши помощники во всех слоях общества», – писала террористка Вера Фигнер. И Достоевский, обдумывая продолжение романа «Братья Карамазовы», хотел сделать террористом тишайшего монаха Алешу.

Брат Ленина Александр был террористом. При Сталине официальная идеология упорно поддерживала версию: большевики с самого начала отказались от террора. Во всех учебниках приводилась мифическая фраза, будто бы сказанная Лениным после казни брата: «Мы пойдем другим путем». Это выдумка.

Столь ценимый молодым Лениным революционер Нечаев (прототип героя романа Достоевского «Бесы») говорил: «Яд, нож и петлю революция освящает». И, почитатель якобинства, молодой Ленин никогда не думал отказываться от терроризма.

В дни революции 1905 года он призывал «учить молодых боевиков на убийствах полицейских» и даже развернул целую программу терроризма. Но Ленин знал: как только революционная партия начинала боевую деятельность, полиция активизировалась, и в партию внедрялись провокаторы. Одним из руководителей знаменитой террористической организации «Народная воля» оказался провокатор Дегаев. Главой боевой организации социалистов-рево-

люционером был провокатор Азеф. И потому с самого начала Ленин глубоко законспирировал свою боевую организацию.

Это очень помогло ему, когда потребовалось скрывать боевые группы не только от полиции, но и от собственной партии.

После поражения первой революции боевые дружины все чаще превращались в банды обычных грабителей. Было множество примеров, когда деньги от экспроприаций тратились на пьянство, женщин, кокаин. Меншевики потребовали распустить боевые отряды.

Ленин и революционеры-эмигранты оказались в затруднительном положении. «До революции 1905 года революционное движение финансировалось либо буржуазией, либо радикальной интеллигенцией», – писал Троцкий. Но в кровавом 1905 году русская интеллигенция впервые заглянула в лицо подлинной революции, в беспощадное лицо русского бунта. И ужаснулась. Поступление денег прекращается.

А между тем удобная жизнь эмигрантов за границей и деятельность подпольных революционеров в России – все это требовало очень и очень больших финансовых поступлений. «Насильственный захват денег казался в этих условиях единственным средством» (Троцкий). На съезде партии в Стокгольме Ленин попытался отстоять боевые отряды. Но было слишком много примеров разбоя боевиков – меньшевики побоялись дискредитации движения. И лондонский съезд категорически запретил экспроприации, постановил распустить боевые отряды.

Однако к тому времени Ленин уже создал тайное образование внутри партии, о котором партия ничего не знала. Но знала полиция. «Главным вдохновителем и генеральным руководителем боевой работы был сам Ленин», – писал жандармский генерал Спиридович. Бывший большевик Алексинский, стоявший в те годы близко к Ленину, рассказывал: «В составе ЦК была создана «тройка», существование которой было скрыто не только от полиции, но и от членов партии». Троцкий приводит состав этой «тройки»: Богданов, Ленин и Красин.

В примечаниях к сочинениям Ленина о Красине сказано глухо: «Руководил техническим бюро при ЦК». И даже после революции Крупская напишет уклончиво: «Партийцы знают теперь ту работу, которую вел Красин по вооружению боевых отрядов... Делалось все это конспиративно. Владимир Ильич больше чем кто-либо знал эту работу Красина».

Великий террорист Леонид Красин – член ЦК РСДРП, учился в Петербургском технологическом институте. Блестящий инженер, красавец, прославившийся успехами у женщин. Но главной страстью этого донжуана были бомбы. Бомбы для революции.

«У него была мечта создать бомбу величиной с орех» (Троцкий). Бомбы требовали много денег. И Красин находил самые разные способы их доставать.

В мае 1905 года на вилле в Ницце поселился Савва Морозов, знаменитый богач и меценат, много помогавший революционерам. Он был тогда в тяжелой депрессии. Красин приходит к Савве. После этого визита Морозов завещает свой страховой полис актрисе Марии Юрковской-Андреевой. Она не только актриса, но и агент большевистского ЦК. Вскоре Морозова находят с пулей в сердце. Застрелился? Застрелили?

Возможно, ответ знал Красин...

Но история с морозовскими деньгами на этом не кончилась. Николай Шмидт, племянник Морозова, владел большой мебельной фабрикой. Он был тайным членом РСДРП и в дни революции 1905 года устроил восстание рабочих... на собственной фабрике, за что и был посажен в тюрьму. Он не раз объявлял прилюдно, что все его огромное состояние завещано любимой партии. В 1907 году он покончил с собой в тюрьме при странных обстоятельствах.

И... никакого завещания не оказалось! Наследниками стали две его сестры. Но у Красина был свой подход к ситуации. Сначала к старшей, Екатерине, был подослан большевик Николай Андриканис – и он успешно женился на ней, но, к сожалению, денег партии не отдал. Тогда к младшей, Елизавете, подсылают молодого большевика Василия Лозинского (партийная кличка

– Таратута). Он вступил с ней в связь и обеспечил ее показания на суде в пользу большевиков. «Вы бы смогли? И я бы не смог... Тем-то Таратута хорош, что ни перед чем не остановится, – говорил Ленин члену ЦК Николаю Рожкову. – Это человек незаменимый».

«Незаменимый... ни перед чем не остановится» – еще один урок, который усвоит Коба в ленинских университетах. «Учимся понемногу, учимся»...

Процесс по шмидтовскому наследству большевики выиграли и получили огромную сумму. На изготовление красинских бомб, на подготовку налетов и грабежей шли морозовские и шмидтовские деньги. И возвращались с процентами. Теперь мастерские бомб Красина открываются в провинции. «Алхимия Красина сильно демократизировалась», – острит Троцкий.

И хотя революция умирает, крови в эти годы куда больше. В 1905 году террористы убили 223 человека, в 1907-м – уже 1231. Чем больше нуждались в деньгах революционные партии, тем больше убийств и экспроприаций.

С красинскими бомбами действовал в это время и молчаливый Коба. Мы можем только гадать, когда Ленину пришлось в голову использовать в «бомбовой работе» преданного грузина. Ленин правильно оценил его организаторский талант, блеснувший в кровавых демонстрациях в Грузии, и способности конспиратора. И Ленин соединил хитроумного Кобу с легендарным Камо.

«Он был им словно околдован»

Камо – партийная кличка Симона Тер-Петросяна. Его смелость и физическая сила были легендой в партии. За Камо числились захваты транспортов в Батуми, в Тифлисе... Но мало кто знал: с некоторых пор Камо был не один. Рядом с ним – его давний друг. Друг и повелитель.

Ибо у них было общее прошлое.

Симон, как и Коба, жил в Гори. Богатый дом его отца находился недалеко от лачужки Кобы. С детства маленький Симон стал послушной тенью властного Сосо.

«Отец бесился: что нашли вы в этом голодранце Сосо? Разве в Гори нет достойных людей? Не доведет он вас до добра. Однако тщетно – Сосо притягивал нас к себе как магнит. Что же касается брата, он был им словно околдован», – вспоминала сестра Камо Джаваира.

Симон – сама дьявольская изворотливость, сила, жестокость. И этот бесстрашный, обладавший фантастической гордостью человек терялся в присутствии Кобы, становился странно зависимым. Даже кличка Симона – результат издевательской шутки Кобы. Как-то он поручил ему отнести пакет. Привычно коверкая русский язык, Симон спросил:

– К камо отнести?

– Эх ты, «камо», «камо», – засмеялся Коба.

За тень насмешки над Симоном любой расплатился бы жизнью. Но от Кобы он сносил все. Голем не может сердиться на хозяина. Симон согласился стать Камо.

Так Коба «родил имя, которое вошло в историю» (Троцкий).

Но нападение на Эриванской площади превосходило все подвиги Камо. Этот великолепный спектакль от начала до конца сочинил Коба и точно, по заданным нотам, исполнил Камо. Это был первый спектакль, поставленный Кобой, который прогремел на всю Европу.

«Швейцарские обыватели были перепуганы насмерть... только и разговоров о русских эсках», – сообщала с восторгом Крупская из Швейцарии... «Только дьявол знает, как этот грабеж неслыханной дерзости был совершен», – писала тифлисская газета «Новое время».

И тут, видимо, Коба не утерпел. Если остальные террористические подвиги он совершал в любимой им безвестности – о его участии в этом ограблении вскоре знала вся партия.

После «эриванского дела» многие большевики отправились в тюрьмы, даже опытный Камо, приехавший в Берлин, был тотчас арестован. Но Коба опять странно неуязвим!

Ограбление на Эриванской площади было лишь одним из его террористических подвигов. Иремашвили писал: «До этого он принимал участие в убийстве военного диктатора Грузии генерала Грязнова. Генерал должен был быть убит террористами-меньшевиками, но те медлили. И Коба организовал его убийство и очень веселился, когда меньшевики объявили это своим делом».

Павленко говорил отцу: «Сталин искалечил руку во время одного из эксов, он был ловок и храбр. Во время захвата денег в Тифлисе он был среди нападавших на экипаж».

Но Коба никогда не забывал партийных решений о запрещении террористической деятельности. Вождю партии и страны не пристало быть удалым грабителем... Вот почему, став Сталиным, он будет тщательно скрывать деятельность Кобы. Но о ней слишком хорошо знали. В 1918 году меньшевик Мартов заявил, что Сталин не имеет права занимать руководящие посты в партии, так как «в свое время был исключен из партии за причастность к экспроприациям». Коба потребовал разбирательства. «Никогда в жизни, – говорил он, – я не судился в партийной организации и не исключался. Это гнусная клевета». Но несмотря на негодование, Коба не заявил прямо о своем неучастии в терроре. Мартов настаивал на вызове свидетелей, приводил факты (в частности, об участии Кобы в экспроприации парохода «Николай I»). Однако вызвать свидетелей с охваченного войной Кавказа не удалось. Дело затихло.

Но прошлое Кобы всегда тревожило Сталина. И многие товарищи Кобы по разбойным нападениям закончат жизнь в сталинской тюрьме. И главный его соратник по удалым делам – Камо – уйдет из жизни раньше всех.

Это произошло сразу после возвышения Кобы, когда он стал Генеральным секретарем партии.

15 июля 1922 года Камо ехал на велосипеде по Тифлису, и на пустой дороге на него наехал автомобиль, столь редкий тогда в городе. «Удар был настолько силен, – писала тифлисская газета, – что товарища Камо отбросило в сторону, и, ударившись головой о тротуарную плиту, он потерял сознание... В больнице, не приходя в себя, он скончался».

«Товарищ Камо погиб именно в тот момент, когда товарищи уговорили его заняться мемуарами и с этой целью приставили стенографистку... Какая насмешка судьбы!» – сокрушался на его похоронах Мамия Орахелашвили, один из руководителей Закавказья.

Насмешка судьбы? Или печальная усмешка его прежнего друга?

Любовь

Но тогда, в дни далекого 1907 года, Коба, как писал палестинский революционер Асад-бей, «был прямым и честным, довольствовался малым. Все остальное отсылал Ленину».

Все эти темные годы он живет, точнее, скрывается в Баку, на нефтяных промыслах. Видимо, это было решение Ленина, который с тех пор будет всегда заботиться о верном Кобе. «По воле партии я был переброшен в Баку. Два года революционной работы среди рабочих нефтяной промышленности закалили меня», – писал Коба.

«Революционная работа в нефтяной промышленности» действительно шла. Вместе со своими боевиками он накладывал «денежные контрибуции на нефтяных магнатов», угрожая поджогом промыслов. Иногда и поджигал, и тогда багровое зарево и клубы дыма неделями

стояли над промыслами. Устраивались и забастовки, кстати, выгодные владельцам промыслов – они повышали цены на нефть, за что платили тоже...

Но сам Коба вел полунищую, бродячую жизнь – все средства аккуратно посылались Ленину. Приходилось нелегко: теперь он был женат, и жена родила ему ребенка.

На явочных квартирах в Тифлисе он встретил революционера Александра Сванидзе (партийная кличка Алеша), который познакомил его со своей сестрой. Ее звали Екатерина – так же, как мать Кобы. Ее предки были из того же селения Диди-Лило... Как она была прекрасна! И как тиха и покорна – совсем не похожа на говорливых, развязных революционерок. Но притом – сестра революционера!

Правда, в это время Давид Сулиашвили – другой бывший семинарист, тоже ставший революционером, – ходил в дом Сванидзе и считал себя ее женихом. Красавец Сулиашвили и Коба... Портрет Кобы в те годы беспощадно рисует Ф. Кнунянц: «Маленький, тщедушный, какой-то ущербный, одет в косоворотку с чужого плеча, на голове нелепая турецкая феска».

Но Екатерина увидела его иным... В нем было очарование столь любимого в Грузии романтического разбойника, грабящего богатых во имя бедных. И еще – ощущение власти над людьми. Оно подчиняло. «Он нравился женщинам», – вспоминал под старость Молотов.

Это, конечно, была любовь! Она была так же религиозна, как его мать. Их венчание было тайным, и не только от полиции – церковный брак был позором для революционера. «Почти не было случая, чтобы революционный интеллигент женился на верующей», – с презрением писал Троцкий.

Убивая людей, влача полунищее существование, Коба мечтал о настоящей семье, которой был лишен в детстве. Создать такую семью он мог только с невинной религиозной девушкой. Свободомыслящие девушки, «товарищи», скитавшиеся по нелегальным квартирам и постелям революционеров, ему не подходили. И он нашел ее... «Преследуемый царской охранкой, он мог находить любовь только в убогом очаге своей семьи», – писал Иремашвили. Они снимали комнату на промыслах – в глиняном низеньком домике у хозяина-турка. Екатерина (Като) работала швеей. В их нищем жилище все сверкало чистотой, все было покрыто ее белыми вышивками и кружевами.

Его дом, его очаг – традиционная семья... Но при этом он оставался яростным фанатиком-революционером.

«Он был ужасен во время политических споров. Если бы у него была возможность, он искоренял бы противников огнем и мечом» (Иремашвили).

Все это время она пытается создать дом, в который он, избегая ареста, так редко приходит. А если и приходит, то только глубокой ночью, чтобы исчезнуть на рассвете.

Она рождает ему сына Якова. С грудным младенцем на руках она с трудом сводит концы с концами. Денег по-прежнему нет. Огромные средства, добытые мужем, немедленно уходят к Ленину. При этом полунищий Коба презирает деньги. Для него они – часть мира, который он взялся разрушить. И когда они у него появляются, он с легкостью раздает их друзьям.

Сергей Аллилуев: «В конце июля 1907 года я должен был уехать в Питер, денег не было, и по совету товарищей я отправился к Кобе». И Коба тотчас дает нужную сумму. Однако Аллилуев видит его нищету и, конечно, отказывается. Но Коба непреклонен, буквально всучивает деньги: «Бери, бери – пригодятся». И тот берет.

Вообще, Аллилуевы многим обязаны Кобе. Он спас из воды тонувшую девочку, дочь Сергея. Ту самую Наденьку...

И опять Като сидит без денег с кричащим младенцем. И опять Коба исчезает в ночи.

А потом она заболела... На лечение у Кобы не было денег.

Она умирала... Осенью он вынужден перевезти ее в Тифлис, где жила ее семья. Сванидзе смогут за ней ухаживать... Но было поздно. «Като скончалась на его руках», – писал Иремашвили. Есть фотография, хранившаяся в семье Сванидзе: Коба стоит над гробом – несчастный, потерянный, с всклокоченными волосами... Так он убил свою первую жену.

Дата рождения сына Кобы Якова – 1908 год – стоит во всех его анкетах. Но в Партархиве я нашел фотокопию газетного извещения «о смерти Екатерины Сванидзе, последовавшей 25 ноября 1907 года».

Как мог Яков родиться после смерти матери? Есть версия: он родился, конечно, в 1907 году. 1908-й – результат договоренности с местным священником, чтобы Яков пошел в царскую армию на год позже. Может быть, это правда. Но остается вопрос: почему потом, когда Яков получал паспорт, всемогущий Сталин не возвратил верную дату?

Не возвратил. Ибо все, что касалось жизни таинственного Кобы, впоследствии старательно запутывалось Сталиным.

Новорожденный остался на руках родной сестры умершей. В ее семье Яков встретит революцию и будет жить до 1921 года. И только тогда Коба, ставший Сталиным, заберет сына в Москву.

Поразительные обстоятельства

«После смерти жены Коба стал ревностным организатором убийств князей, священников, буржуа» (Иремашвили).

Но тогда же появляются слухи – странные, точнее, страшные для революционера: бесстрашный Коба, удачливый Коба, уходящий от всех преследований, на самом деле провокатор, засланный полицией в революционное движение.

Однако слухи прерывает арест Кобы.

Коба – в тюрьме. При аресте у него найдены документы – доказательства «его принадлежности к запрещенному Бакинскому комитету РСДРП». Это дает полиции основание для нового обвинения – уже с перспективой каторжных работ. Но... Бакинское жандармское управление почему-то закрывает глаза на эти документы и рекомендует всего лишь вернуть Кобу на прежнее место ссылки – в Сольвычегодск сроком на три года. После чего новое удивительное решение: Особое совещание при министре внутренних дел отправляет Кобу в ссылку только на два года!

Путь ссыльных в забытый Богом городишко Сольвычегодск шел через Вятку. В камере вятской тюрьмы Коба заболел тифом. Из камеры его перевозят в губернскую земскую больницу.

Он находился на грани смерти. Но выжил.

В Сольвычегодске он снял комнату в доме Григорова. Крохотный городишко был в то время одним из центров революционной жизни: на 2000 жителей было 450 политических ссыльных. Все эти революционеры, получавшие пропитание от сославшего их государства, проводили дни в спорах о будущей революции.

В его государстве ссыльные будут жить совсем иначе...

В Сольвычегодске Коба поправился, поздоровел и уже в начале лета бежал. По полицейским сообщениям, побег произошел 24 июня 1909 года. И опять он не боится выбрать Кавказ!

Девять месяцев он находится на свободе. 23 марта 1910 года его арестовывают. Три месяца следствия, и вновь – поразительные обстоятельства! Помощник начальника Бакинского

жандармского управления Н. Гелимбатовский пишет заключение: «Ввиду упорного его участия в деятельности революционных партий, в коих он занимал весьма видное положение, ввиду двухкратного его побега... принять меру взыскания – высылку в самые отдаленные места Сибири на пять лет». Но заключение игнорируют. Вместо него следует благодушное решение – выслать неисправимого Кобу в тот же Сольвычегодск! Так началась третья ссылка.

29 декабря 1910 года он опять поселился в доме Григорова, но прожил там на этот раз недолго. Вряд ли ему было там плохо – иначе бы он не поселился во второй раз. Скорее, сыграло свою роль нечто другое...

10 января 1911 года Коба переселяется в дом Матрены Прокопьевны Кузаковой, молодой вдовы. Она сама описала их встречу: «Зимой 1910 года зашел ко мне мужчина средних лет и спрашивает: «Жил у вас на квартире мой друг Асатиани?»

Посетитель назвался Иосифом Виссарионовичем Джугашвили. Одет не по-зимнему – в черном осеннем пальто и фетровой шляпе. Вдова поинтересовалась: «Сколько вам лет?» – «А сколько дадите?» – «Лет сорок, пожалуй». Он рассмеялся: «Мне только двадцать девять».

Загадочный Кузаков

Свой дом Кузакова описала так: «Дом был тесный, дети спали прямо на полу... Детей у меня было много, иной раз расшумятся, какое уж тут чтение». Так что, видимо, не условия жизни в этом доме привлекли Кобу...

В 1978 году на телевидении праздновали 70-летний юбилей одного из телевизионных начальников – Константина Степановича Кузакова. Это был сын той самой Матрены Кузаковой.

Все телевидение знало: он сын Сталина! И похож, удивительно похож. Биография Константина Степановича была крайне загадочна. Один ответственный работник телевидения рассказывал мне: «Вскоре после возвышения Иосифа Виссарионовича вдову вызвали в столицу, дали квартиру в новом правительственном доме, юный Кузаков получил высшее образование и всю жизнь занимал высокие посты, соответствующие рангу заместителя министра. Сталина он никогда не видел. В конце 40-х годов Кузаков уже работал в ЦК партии. В это время началась очередная волна репрессий. Очередь дошла до Кузакова. Его выгнали из ЦК. Казалось, дни его сочтены, но он написал заявление на имя Сталина, и Кузакова тотчас оставили в покое... В анкете Кузакова в графе рождения стоит 1908 год, а его отец, согласно той же анкете, умер в 1905 году!»

Вот так-то! Впрочем, 1908 год – всего лишь осторожная деликатность. Так же, как напечатанный в «Правде» рассказ вдовы о знакомстве со Сталиным только в 1910 году.

Конечно, Коба не мог не познакомиться с нею еще в первой ссылке – в начале 1909 года, ибо тогда у вдовы квартировал его друг, грузинский революционер Асатиани. Утрата жены была тогда особенно остра. Добрая вдова, видимо, помогла ему забыться. Вот почему, когда Коба вновь появился в Сольвычегодске, он переехал в ее шумный дом. Так что Константин Степанович, скорее всего, родился годом позже. Я видел его не раз – старея, он становился все более похож на Сталина. Он это знал и немного играл: был нетороплив, немногословен. Дочь Сталина Светлана Аллилуева пишет, что, по рассказам теток, в одной из сибирских ссылок отец жил с крестьянкой и где-то должен быть их сын... Впрочем, как и все в биографии Кобы, это тоже будет надежно запутано Сталиным.

Уже после того как я закончил книгу, в самом конце сентября 1996 года в газете «Аргументы и факты» было напечатано интервью самого Кузакова под названием «Кузаков – сын Сталина». Предположения оказались верными: подходя к своему девяностолетию, Кузаков

решился наконец открыть то, о чем молчал всю свою длинную жизнь. «Я был еще совсем маленьким, когда узнал, что я сын Сталина», – заявил он корреспонденту.

«Чижилов»

Ссылка Кобы закончилась, и с нею житье в шумном доме Кузаковой, где бежали многочисленные дети (как утверждали злые языки, весьма напоминавшие ее прежних ссыльных постояльцев). Не имея права выехать в столицу, Коба выбирает для жительства Вологду. Все это время Ленин помнит о верном удалом грузине, нетерпеливо зовет его. Об этом Коба пишет сам в письме, перлюстрированном полицией: «Ильич и Ко зазывают в один из двух центров (т. е. в Москву и Петербург. – Э.Р.) до окончания срока. Мне же хотелось бы отбыть срок, чтобы легально с большим размахом приняться за дело, но если нужда острая, то, конечно, снимусь».

И опять странность. Почему этот великий конспиратор так странно доверчив? Как он мог забыть, что полиция перлюстрирует письма?

Вскоре в Департамент полиции пошло сообщение: «Как можно полагать, кавказец (так полиция именует Кобу. – Э.Р.) в скором времени выедет в Петербург или в Москву для свидания с тамошними представителями организации и будет сопровождаться наблюдением... Явилось бы лучшим производством обыска и арест его нынче же в Вологде».

Но... никакого ареста! Руководство Департамента будто не слышит и никак не реагирует!

Немного спустя Ленин приказал – и тотчас Коба «снялся в Петербург». Следует новое донесение: «В 3.45 кавказец пришел на вокзал с вещами... вошел в вагон третьего класса в поезд, отходящий на Санкт-Петербург... Кавказец с означенным поездом уехал в Петербург».

И никакой попытки его задержать! Но почему?

Для побегов революционеры пользовались двумя видами документов. Первый – так называемые «липовые» – поддельные. Это старые просроченные паспорта, украденные из волостных правлений. Их обрабатывали химикатами, вписывали новые данные. И «железные» – подлинные паспорта, которые продавали местные жители, а продавец, через некоторое время заявляли в полицию о пропаже.

После отъезда Кобы в делах жандармского управления появляется «Прошение жителя Вологды П.А. Чижилова о пропаже у него паспорта». Но к тому времени паспорт уже был найден: «В Петербурге в гостиничных номерах был задержан некий Чижилов, оказавшийся бежавшим с поселения И. Джугашвили».

И опять непонятное. С самого начала Коба должен был знать: побег в Петербург безнадёжен. В это время в Киеве выстрелом из револьвера убит глава правительства Столыпин. Петербург наводнен полицейскими агентами. Как уцелеть с паспортом на имя Чижилова и с грузинской физиономией? Тем более что в Петербурге Коба вел себя совсем странно.

Вначале он был осторожен.

Из воспоминаний С. Аллилуева: «Он вышел с Николаевского вокзала и решил побродить по городу... надеялся кого-нибудь встретить на улице. Это было безопаснее, чем искать по адресам. Под дождем он проходил весь день. Толпа на Невском редела, гасли огни реклам, и тогда он увидел Тодрию. После убийства Столыпина вся полиция была на ногах. Решили снять меблированную комнату. Швейцар вертел его паспорт недоверчиво – в нем он значился Петром Чижиловым. На следующее утро Тодрия повел его к нам».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.